

**Память
уходящей
эпохи**

Память уходящей эпохи

*книга воспоминаний
«Детей Великой Отечественной войны»*

Кировск
2014

ББК: 84-4.63.3(0).62

Редакторы: Абрамовская Л.В. Малыгина З.Я.
Розенштейн А.М. **Память уходящей эпохи:
книга воспоминаний «Детей Великой
Отечественной войны»** - Кировск: типография
«Семейная», 2014, 137 с.

Корректоры: Березина Д.Ю.,
Розенштейн А.М.

Дизайн и вёрстка: Савохина О.А.,
Розенштейн А.М.

Книга издана на средства «Фонда Тимченко»
(программа «Активное поколение») и при
поддержке Региональной благотворительной
общественной организации «Архангельский
Центр социальных технологий «Гарант» (г.
Архангельск)

ББК: 84-4.63.3(0).62

«Память уходящей эпохи»
Книга воспоминаний
«Детей Великой Отечественной войны»

Авторы посвящают книгу своим родителям

Организаторы проекта выражают огромную благодарность:

- авторам - за замечательные материалы и за предоставленные из личных архивов фотографии и документы тех лет;*
- Людмилу Владимировну Абрамовскую и Зинаиду Яковлевну Малыгину - за сбор и подготовку материалов;*
- еженедельную газету «Хибинский вестник» - за предоставленные материалы и информационную поддержку;*
- МАУК «Кировский городской Дворец культуры» - за помощь в организации проекта и за проведение мероприятий для авторов книги.*

Содержание

Гавриленко Анатолий Никифорович.....	6
Зотова Нина Кузьминична.....	12
Каретникова Вера Семеновна.....	14
Кармановская Любовь Алексеевна.....	20
Ловыгина Ольга Ильинична.....	24
Мельникова Тамара Алексеевна.....	29
Попондопуло Мария Михайловна.....	35
Савоткин Николай Александрович.....	40
Соломонова Антонина Александровна.....	57
Шаталова Клавдия Ильинична.....	59
Юмаева Фания Ахмеджановна.....	63
Насонова Ольга Васильевна.....	67
Быкова Софья Яковлевна.....	71
Зайцева Мария Гавриловна.....	75
Зайцева Ольга Гавриловна.....	80
Ежова (Тимофеева) Галина Дмитриевна.....	82
Тимофеев Василий Григорьевич.....	86
Храмова (Киселева) Лариса Александровна.....	96
Киселева (Щербакова) Светлана Александровна.....	102
Щербаков Алексей Прокопьевич.....	106
Лелес Антонина Вячеславовна.....	110
Ржевский Борис Николаевич.....	122
Малыгина Зинаида Яковлевна.....	128

Гавриленко Анатолий Никифорович

Воспоминания о военном детстве

Родился Анатолий Никифорович в деревне Старые Россохи Гомельской области в семье крестьян. Деревня была очень большая: состояла из трех улиц, на которых разместилось 200 дворов. Отец Никифор Герасимович и мать Феодора Илларионовна работали в колхозе. В семье было двое детей: старшему Анатолию 6 лет, а младшему Михаилу 4 года. В школу еще не ходили. Братья выполняли задания матери по дому: надо было вспахать землю, посадить огород, вымыть полы, выпастить гусей, а еще заготовить дрова - возили их на тачке. Оставалось время побегать и поиграть с деревенскими ребятами.

22 июня 1941 года разнеслось по деревне: «Война, война». Дети не сразу поняли, почему по деревне понеслись стоны, плач и крики матерей. В этот же день была объявлена мобилизация - всех мужчин (в том числе

отца Анатолия) отправили в районный центр в военкомат, а оттуда на фронт.

Немцы быстро продвигались по нашей земле и уже в августе заняли деревню. Семью выгнали из дома, братьям с мамой пришлось перебраться на житье в амбар, а в доме квартировала немецкая продовольственная часть. Но это было только начало. Деревенских быстро обобрали, кругом несло: «Куры, млеко, яйки». Семье Анатолия повезло: немцы не все нашли и забрали, что-то осталось, и можно было посадить огород. Неподалеку от деревни протекала река Сож. На берегу, где деревня располагалась, стояли немцы, а на противоположном - в 4 километрах от берега - сосредоточились наши части.

Немцы продолжали прибывать в деревню, и, в конце концов, семью выгнали и из амбара. Пришлось матери с детьми приспособливаться: вырыли землянку, укрепили накат бревнами, а для сна сделали насыпи из земли, бросив сверху матрасы. Еду готовили на кострах. От голода спасала только корова, которую немцы почему-то не отобрали – возможно из-за того, что у них были 3 своих коровы и доить заставляли Толину мать. А еда во всех семьях была одинакова: лепешки из отрубей, крапивы, лебеды и цветков клевера, из этого же мать варила похлебку, добавляя немного картошки и чуть-чуть молока.

А в деревню все стекались вражеские силы - уже не только немцы. Появились и финны, мадьяры и поляки - эти особенно зверствовали. После них даже немцы казались лояльными. В деревне исчезла вся живность, и только слышалась команда: «Млеко, яйки, курки». Люди

боялись выходить на улицу, и матери запрещали детям попадаться на глаза немцам.

Часто на деревню делали внезапные набеги партизаны, нещадно били немцев или поджидали врага на окраинах деревни. Но партизанам приходилось вновь и вновь отступать и скрываться в лесу - силы были неравные. А на следующее утро дети все-таки бегали посмотреть на места боев, брало верх любопытство - но партизан погибших не видели, их отряд уносил с собой.

Шел 1942 год. Чувствовалось, что немцы начали готовиться к масштабному бою. Однажды они приказали деревенским жителям убираться в соседнюю деревню Фундомыка за 30 километров дальше и даже выдали для этого подводы. С собой семья смогла взять только корову да одежду, которая была на детях и матери. По прибытии в деревню все семьи были приняты и распределены местными жителями по домам. Маму с Толей и братом пустила на постой хозяйка-инвалид, жила она с 2 сыновьями. Старший сын ее тоже инвалид - жил с женой и детьми. Хозяева были радушными: жили в тесноте, но дружно.

Было уже лето, тепло. За стол садились все разом, еда была общая, преимущественно травы, грибы, ягоды. Что-то хозяйка добавляла из своих запасов. Очень выручала корова.

А в родной деревне шли бои такие, что за 30 км слышались взрывы и даже было видно, как летели огненные снаряды, выпущенные «Катюшами». Народ жил в постоянном напряжении от страха. Когда бои стихли, решились возвращаться домой, быстро собрались и отправились в обратный путь в свою

родную деревню. У всех был вопрос: «Что осталось от деревни?». Половина домов все-таки уцелела, только ни в одной избе не осталось стекол: озверевшие враги, отступая, выбивали их прикладами. Погибших тоже уже не было. Дом семьи Анатолия устоял, но тоже остался без стекол. Сохранилась даже часть огорода и сада, кое-где на деревьях виднелись яблоки и сливы.

Приближалась зима, по ночам появлялись первые заморозки. В деревне начали заново налаживать быт: ремонтировали дома, убирали остатки урожая, которые не смогли уничтожить немцы, когда им пришлось быстро убежать из деревни. Наша армия хорошо их гнала.

Только в декабре 1942 года дети смогли начать занятия в школе - ее тоже подлатали всем миром. Толя пошел в 1 класс. На все классы с 1-го по 4-й была одна учительница, и она еле поспевала к уроку из одного класса в другой, а к самым ослабевшим детям поздно вечером приходила помогать домой. Анатолий Никифорович по сей день помнит свою первую учительницу и очень, очень ей благодарен.

Жизнь продолжалась.

Мама работала в колхозе, надо было восстанавливать разрушения, дети учились и успевали делать все домашние дела. От отца с фронта долго не было вестей, о нем ничего не знали - воевал. Только много позже семья узнала из рассказов отца, что после одного из боев в 1943 году попал он в плен, встретил там односельчан и втроем попытались бежать. Получилось удачно, вышли в расположение нашей части в городе Костюково Гомельской области. В этом местечке было

организовано военное подсобное хозяйство для обеспечения фронта продуктами, туда и отправили сбежавших из плена на работу. Мать с детьми могла навещать отца там. В 1945 году в семье родился младший брат Василий, а отец еще в течение двух лет после окончания войны продолжал работать в том хозяйстве. А однажды случилась беда: во время работы отца придавило машиной, и только тогда его как инвалида демобилизовали домой.

Анатолий в своей деревне закончил 4 класса, семилетку - в соседней деревне за 4 км от дома, затем была учеба в ФЗО в г. Гомеле, где он получил специальности каменщика, плотника, столяра. 9 июня 1952 года он с 56 товарищами был направлен на работу на север в г. Кировск.

Анатолию было 16 лет. Парня приняли в контору Жилграждан, и с его активным участием за несколько лет выросли большие каменные дома на ул. Хибиногорской. В Кировске в то время было много заключенных, они работали днем, а наши строители - ночью. После Анатолий перешел на работу на АНОФ-1 комбината «Апатит». В 1964 году был призван в армию, а в 1968 году после демобилизации вернулся в Кировск и стал продолжать работать на АНОФ-1. В этом же году женился. Назначили его руководителем бригады огнеупорщиков. Успевал не только отлично работать, но и помогать оступившимся и попавшим в беду людям. Примеров, когда Анатолий Никифорович помог человеку встать на правильный путь, было немало. В это же время он возглавлял секцию по соблюдению общественного порядка и профилактике нарушений. Но

никто и никогда не слышал от Анатолия Никифоровича, что много времени уходит на общественные дела. Быть нужным людям каждый день и каждый час он считал своим долгом. Об этом он не говорил сам, а говорили все его дела.

За трудовые заслуги Анатолий Никифорович награжден орденом «Трудовой славы 3 степени», медалью за «Трудовую Доблесть», значком «Отличник Химической промышленности СССР», медалью «За доблестный труд». Пять раз он был отмечен Министерством химической промышленности и ЦК профсоюзов как победитель социалистического соревнования. Обладатель 37 почетных грамот.

В 1999 году Анатолий Никифорович вышел на заслуженный отдых, но отдыхать вскоре надоело, и после этого еще 15 лет он отработал в Кировском отделении милиции. Ко всем наградам прибавилась еще одна: за активное участие в охране общественного порядка и борьбе с преступностью он был награжден нагрудным знаком «отличный дружинник».

Вырастил с женой двоих дочерей, помогал воспитывать четверых внуков, и у него уже есть двое правнуков.

Зотова Нина Кузьминична

Родилась Нина 27 октября 1938 года в городе Кировске в семье рабочего. К началу войны Нине исполнилось 3 года. Отца в первые дни войны призвали на фронт, и остались трое детей на руках у матери: сестре Александре - 13 лет, брату Виктору - 6 лет и Нине - 3 года. Жили в «деревяшке», мать работала, а дети как могли помогали содержать семью: пилили и кололи дрова, хозяйничали по дому и следили за Ниной. Жили бедно, хлеба по карточкам давали очень мало: когда - 150 грамм, когда - 200 грамм на человека, его всегда не хватало, выручала картошка, выращенная на огороде, и рыба, которую можно было купить в магазине. Все время хотелось есть. Когда подросла старшая сестра - пошла работать.

Нина плохо помнит эвакуацию, только то, что людей везли в товарных вагонах и что все время мучил голод. Однажды нарвала какой-то травы, услышав, как мама говорила «Взошла картошка», а когда ботва подросла, Нина нарвала и наелась. Потом жаловалась маме, что картошка очень невкусная.

А еще очень запомнила один случай. Подростая Нина ходила в магазин выкупать хлеб по карточкам, к неполной буханке хлеба добавляли маленький довесочек. И вот однажды Нина несла хлеб и, не выдержав, вытащила маленький довесочек хлеба, но съесть не успела: какой-то дядька, шедший навстречу, выхватил его из рук маленькой девчонки. Это была катастрофа. Возвращалась Нина вся в слезах.

Помнит, как в 1944 году почтальон принес в дом

похоронку на отца: Корпусов Кузьма Степанович погиб, защищая наш Северный Край. Захоронен он на месте боя в долине реки Западная Лица.

Семья может посещать могилу отца. Его имя увековечено на стеле у Вечного огня.

Выжили в трудное военное время, но и дальше было нелегко, также мучил голод из-за постоянного недоедания. После окончания войны старшая сестра продолжала работать, а младшие пошли в школу. Нина закончила 10 классов, в 1969 году - Кировский горный техникум.

27 лет она проработала в системе производственного объединения «Апатит». В основном на АНОФ-1. Награждена медалью «Ветеран труда». Вырастила дочку. Есть у нее две внучки: одна закончила ЛГИ в Санкт-Петербурге, а вторая учится на 4 курсе этого же института.

Каретникова Вера Семеновна

Война, война, сколько ты горя принесла!

Канун второй мировой войны. А сегодня Вера радуется тому, что ее папа вышел в отпуск. Купил билеты, и завтра она с ним едет в отпуск к дяде в Ленинград.

Вере шесть лет. Семья живет на Лесоучастке в поселке Восточная Губа, жители поселка заняты заготовкой лесоматериалов для промышленных предприятий Мурманской области. Кроме своего поселка, она нигде и никогда не была. Вера рада, что едет с папой в отпуск.

В день отъезда, рано утром семья была разбужена криками: «Война, война». Все смешалось, рухнули планы жителей поселка 22 июня 1941 года. Все в волнении и переживаниях. Что делать? Многодетные матери поспешили уехать к родителям, но вскоре

свободная продажа билетов была прекращена. Все для фронта!

В семье 4 детей, они бродят по поселку, многих соседей уже нет, осталось их разоренное жилье. В небе появляются немецкие самолеты. Тревога!

Дети бегут в соседний лесок, прячутся, тащат за собой двухлетнего брата. Прячут его под куст. Братик засоряет глазки, ревет. Самолеты пролетают, и дети возвращаются домой. Периодически самолеты бомбят.

Мама родила третьего ребенка 25 августа 1941 года. К этому времени семья уже успела перебраться в Карелию к дедушке и бабушке, в родовый дом в селе Сумский Посад. У деда была корова, и питанием были обеспечены. В тепле и уюте прожили 3 месяца.

В деревне - сосредоточение различных войск, и руководство Сельского Совета стало настаивать на эвакуации части населения. Никто из еще дедами построенных родных деревенских домов не хотел уезжать. Фронт пока был далеко. Однако никого и не спрашивали. Подогнали «телячий» вагон и заселили его стариками и малыми детьми.

Идет война, все для фронта! Люди неделю пребывали в этом вагоне в родной деревне, деревенские помогали с едой. Никому не было позволено покинуть вагон. Наконец прицепили к составу и повезли. Время холодное, середина ноября 1941 года. В вагоне сделаны из досок нары. Вот на этих нарах расположилась вся семья: дедушка с бабушкой по 73 года, их внук 10 лет, мать с младшим трехмесячным братом Сашей, брат Федя 3 лет, Витя 13 лет и 6-ти летняя Вера с сестрой Ниной 9 лет.

Ночью поперек вагона всем было не поместиться, и Вере с сестрой приходится спать вдоль торца вагона, прижимаясь из-за тесноты к покрытой льдом стене. Освещения в вагоне нет. Туалет - одно ведро для старых и молодых, для мужчин и женщин. Обеспечение водой не предусмотрено. Посреди вагона маленькая чугунная печь, которая топится круглосуточно, если удастся на остановках раздобыть дрова.

В вагоне 40 человек. На остановках каждая семья старается запастись снегом для питьевых нужд и приготовления пищи. Пока питаются тем, что могли взять с собой. В памяти девочки осталось, что на остановках раза три кормили овощной смесью в виде винегрета.

Стены вагона покрыты льдом, с потолка капает. Печурка и человеческое дыхание не в состоянии поддерживать минимальную температуру для согрева людей, поэтому кутаются в пальтишки и одеяла. Зима 1941 года была особенно холодной, морозы достигали 40 градусов. Все для фронта - и живая сила, и вооружение!

Состав с эвакуированными чаще стоит в теплушках по несколько дней, чем передвигается к месту назначения. Все живут ожиданиями, когда же поедут.

Однажды на одной из остановок в вагон ворвались двое изможденных мужчин (видно, давно готовились к такому броску). Они перекинули доски с одних нар на другие и улеглись. Мужчины постоянно кашляли и чесались. А вскоре зачесались все жители вагона, то есть - завшивели.

Под потолком вагона было 2 окошечка размером 15x20 см, по одному над нарами. И вот у детей

появилось занятие: у этих заледеневших источников тусклого света на ощупь выискивали вшей, складывали на зеркальце, а потом одному из ребят поручалось произвести уничтожение кровопийц. Ужасно, но это правда! Так было, так дети познавали жизнь.

В дороге уже второй месяц. Соседка по вагону немного помыла годовалую девочку. Девочка заболела и умерла. На следующей остановке мать вынесла тело ребенка, положила свое дитя в костер из трупов.

Мама спасает младшенького братика между бедер. Одежда и одеяльце не помогают от холода, и мать делится теплом своего тела с ребенком.

В ночь под Новый год прибыли в Котлас. В ту ужасно холодную ночь из уже кое-как обжитого вагона вывалились на снег измученные старики и малые дети. Вещи приходилось вырубать из льда на стенах вагона. Добрались до «вокзала», куда привезли эвакуированных. Было объявлено, что прибывших развезут по деревням. Стали подъезжать подводы, запряженные в сани. Уезжали одни, вторые, третьи... Верину семью никто не берет! Всем нужны рабочие руки, а у них шестеро детей, два старика и женщина с младенцем. Уже увезли всех, кроме этой семьи! Вдруг подъехали две подводы и наконец-то их забрали.

И вот 1 января 1942 года семья вошла в теплый дом, состоящий из одной большой комнаты. Мама попросила: «Хозяюшка, согрей самовар, напои нас чаем». На что получила ответ: «Самовар не мой, самовар Симкин, не могу греть». Так они оказались в семи километрах от Сельского совета, школы, магазина в деревне Ватса Котласского района.

Надо начинать жить. Получили хлебные карточки по 200 г на человека, упросили хозяйку затопить баню и вымылись. Дети в ту зиму не учились. Спали «лозгом», как говорят в народе, на полу, как и в вагоне, но уже в тепле. К лету добились лучшего жилья и переехали ближе к школе.

1 сентября 1942 года Вера пошла в школу за 3 км от дома. Уроки приходилось делать, держа в левой руке зажженную лучину. К концу учебного года Вера заболела. Туберкулез.

Маме сказали: «Ребенок обречен, не выживет». О болезни мама сообщила отцу на фронт.

Папа письмом обратился к М. И. Калинину с просьбой о разрешении выезда семьи из эвакуации.

Просьба была удовлетворена. И семья вернулась в Карелию, но без дедушки и бабушки. Они умерли от голода зимой 1942 года.

В деревне жили до конца войны. Детям до трех лет выписывали из колхоза молоко по 200 г. Вере было 9 лет и, в виде исключения, ей выписывали 400 г молока. Закончить четвертый класс она не смогла по состоянию здоровья.

Выживали очень трудно. Мать работала в колхозе. Старшие помогали ей в колхозе и воспитывали младших, добывали еду как могли. Летом собирали грибы, ягоды. Выращивали картофель и запасали это на зиму. Все время голодные, все понимали, что сразу весь урожай съесть нельзя.

Младшему брату было полтора годика, он постоянно плакал и просил есть, и мама, рискуя, кормила его заготовленными грибами. Супы назывались

тюрей из протертой картошки с добавлением трав лебеды и крапивы. Трехлетний Федя все время смотрел в окно и ждал, когда придут старшие из школы и тогда мама будет их кормить. Перед каждым мама выкладывала по одной картошинке и маленькому кусочку хлеба, а Федя канючил у мамы маленькую добавочку «авансом», в счет порции следующего дня. Так семья выживала и выжила. Летом 1945 года отец возвратился с фронта, и семья вернулась в Мурманскую область в свой поселок на берегу озера Имандра.

Война для девочки не прошла бесследно. До сегодняшнего дня производятся плановые профилактические обследования на туберкулез.

В город Кировск Вера Семеновна переехала в 1961 году после окончания Архангельского мединститута, и в этом же году вышла замуж, родила и воспитала своих двоих детей. Работала в Кировской городской больнице, а с 1972 года - инспектором отдела здравоохранения Кировского горисполкома. Имеет двух внуков, 1990 и 1992 года рождения, которые отслужили в армии и работают в ОАО «Апатит». Награждена медалью «Ветеран труда».

Мама Веры, Ехменина Евгения Федоровна, сумела сохранить, вырастить, воспитать пятерых детей и дать им образование. В последние годы была награждена «Медалью материнства». Папа, Ехменин Семен Николаевич, был призван Кировским горвоенкоматом для защиты Родины в Финскую войну 1939 года и Великую Отечественную войну 1941 года, возвращался домой победителем с правительственными воинскими наградами.

Кармановская Любовь Алексеевна

Родилась Люба в 1935 году в деревне Опарино Шурминского района Кировской области в крестьянской семье. Отец работал трактористом, а мама воспитывала детей, их было пятеро: 4 сестры и брат. Люба была третьим ребенком в семье, и в начале войны ей исполнилось 6 лет. Отца в первые дни войны призвали на фронт. Деревня была большая, и на фронт взяли все мужское население, остались старики, женщины и дети. Почти весь собранный урожай колхоз отправил на фронт, и началось голодное время.

В 1942 году от голода умирает двухгодовалая сестра Валя. Мама работала в колхозе, а дети занимались огородом и домом, старшие готовили из того, что можно было найти, нянчились с младшими. Ели в основном похлебку из крапивы, лебеды, из того же готовили лепешки с добавлением опилок или в лучшем случае отрубей. Поначалу спасала корова, а когда она сдохла и молока не стало, наступил голод. Все время хотелось есть. Плакали дети от голода, и плакала мама по ночам от горя.

Весной 1942 года отец был ранен и после госпиталя получил отпуск домой, а в начале осени опять отправился на фронт. В 1943 году отец погиб - пропал без вести, и пенсию семье не назначили.

Летом семья, спасаясь от голода, переезжает в Архангельскую область в деревню Золотица. Добирались трудно и долго. Сначала ехали в телятниках (вагон для скота), а на остановках бегали за крапивным супом и горячей водой. На состав с эвакуированными

время от времени совершались налеты фашистскими самолетами, сбрасывали бомбы. Люди в панике выскакивали из вагонов и бросались врассыпную кто куда, кругом крики, кровь и ужас. Прижимаясь к земле, замирали в ожидании, когда закончится бомбежка, и снова спешили к уцелевшим вагонам. Было очень страшно. Спасало только то, что в вагонах было тепло. Лето было теплым.

Состав прибыл на «вокзал» в город Архангельск, и всех перегрузили на пароход «Громов», а дальше уже на лодках с парохода добирались до деревни Летняя-Золотица, где разместили сначала в бывшей церквушке. Спали «вповалку» на полу - народу набилось много, а места мало. Наконец-то через несколько дней появился председатель, и началось распределение эвакуированных по домам. Семью Любы определили в домик, где жила своя большая семья, хозяйка терпела недолго и через некоторое время выгнала. Пожалела их одинокая бабушка и приютила в своей бане, отапливалась она «по черному» - весь дым оставался в бане, дышать было трудно, а когда им разрешили перебраться в дом, впервые за все военное время вся семья была счастлива.

Мама стала работать в колхозе, подросли брат и сестра и тоже пошли на работу, помогая маме кормить семью.

Осенью 1943 года Люба пошла в школу. В школе потрескивали дрова в печке, было тепло. Не было света и бумаги. На партах стояли керосиновые лампы, а писать приходилось на газетах между строк.

СПРАВКА

Выдана КАРМАНОВСКОЙ ЛЮБОВИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
в том, что красноармеец СЕВАРИН Алексей
Иванович пропал без вести в январе 1943г.

ОСНОВАНИЕ: Дело № 68 изв. № 93
списки п.н. 10

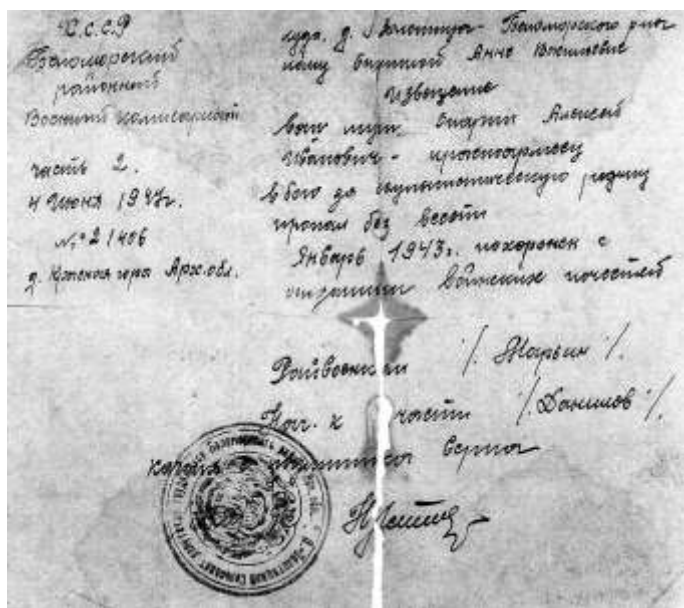

Одoleвал постоянный голод. Хлеб давали по карточкам 250 грамм на ребенка, а маме - 500 грамм. Зимой в очередь стояли за картошкой, колхоз понемногу выдавал семьям из запасов. Картошка была мороженая, да и этой было мало, но мама умудрялась варить похлебку из нее и лепешки с добавлением лебеды и крапивы. Летом дети ночами забивали ногами рыбу - благо, в реке ее было много, а ловить было нечем. Это помогало немного утолить голод.

Училась Люба на «отлично» и по окончании школы в 1951 году была премирована отрезом на платье в красный горошек. Это был самый дорогой подарок для девочки. После окончания школы устроилась работать санитаркой в деревенскую больницу и, отработав 3 года, уехала в Архангельск, вышла замуж в 1955 году. Сначала работала кладовщиком в Райпо, а затем перешла на лесопильный завод, работала на станке по обработке доски на экспорт. В 1990 году вышла на заслуженный отдых, а в 2004 году переехала в город

Кировск к младшему сыну. Воспитала двоих детей, троих внуков, а теперь помогает воспитывать трех правнуков. Награждена медалью «Ветеран труда».

До сих пор семья не знает, где и когда захоронен их отец Опарин Алексей Иванович. Дочь будет продолжать разыскивать могилу своего отца.

Ловыгина Ольга Ильинична

На берегу притока Волги Кама раскинулось большое село Нечкино Удмуртской ССР. В селе было три колхоза, люди жили небогато. Семья крестьянина Вахрушева Ильи Михайловича имела свой дом, хозяин семьи работал в колхозе механиком, жена Варвара Петровна – дояркой. У них было трое детей: старшему Егору 11 лет, Лиде - 8 лет и младшей дочери Оле - 5 лет. Оля вспоминает, как однажды в июньский летний день 1941 года из единственного репродуктора на сельсовете мужской голос утром сообщил, что началась война. Все село всполошилось, в разных его концах слышался плач, женщины суетились. Оля помнит, как мама, плача, куда-то засобиравалась, детям сказала, что поедет провожать папу. К дому подъехала телега, папа зашел в хату, «Ребятишки, до свидания», - сказал он, и мама с папой уехали. Вечером того же дня мать вернулась одна.

Война. Все мужское население села уже на второй день было мобилизовано на фронт, село опустело, с отцами ушли на фронт и старшие сыновья. Вся работа в колхозе легла на женские плечи. С раннего утра мать уходила в коровник на уход за скотом и дойку, а кроме этого ее привлекали на все полевые работы. Дети самостоятельно выполняли все работы по дому. Месяца через два в село стали прибывать эвакуированные («ковырины», так их называли местные жители) из районов, где шли бои. Оля помнит, что было несколько семей даже с Севера из Кировска. Одну из таких семей из 5 человек приняла мама. Олиная семья и до войны жила небогато, а стала совсем худо: в хозяйстве была одна козочка и несколько курочек, а корову вскоре

пришлось сдать в колхоз на мясо для отправки на фронт - каждый двор был обязан сдавать определенную норму продуктами для фронта.

Все для фронта! Стало совсем голодно. Дети летом собирали крапиву, дикий чеснок, листья от подсолнухов, грибы, ягоды и травы для заварки чая. Однажды в конце 1941 года кто-то обнаружил яму с прошлогодней картошкой, такую картошку «тошнотиками» называли, и все селяне тоже набрали ее. Хотя картошка и была полугнилой, но мама наделала из нее крахмала, а из картофельной жижи в этот же день напекла лепешек и наконец-то досыта накормила всю семью. Из крахмала какое-то время варила кисели без соли и без сахара - ничего не было.

Вскоре постояльцам нашли отдельный дом, куда они переехали. Старший брат Егор в 11 лет пошел работать в Гортоп: на лошадях заготавливал с женщинами дрова (и дома дрова были), зарабатывал кусочек хлеба 200 грамм и немного отрубей. Все он приносил домой, хлеб отдавал сестрам. И это была уже существенная помощь - мама говорила потом, что благодаря Гортопу выжили в военное время.

Шел 1942 год. Гитлеровская армия наступала быстро. Когда фашисты дошли до Казани, женщины и дети всех деревень стали копать окопы и землянки на случай, если в село придут немцы. Но наша Армия не дала пройти им дальше Казани.

В селе голодали. С появлением в лесу грибов, ягод и трав все дети были заняты их сбором. С огорода почти ничего не собирали, нечем было его засаживать. Набирали малость морковки, свеклы и картошки,

которую чистили очень бережно, тоненько срезая шкурку. Часть очистков оставляли для рассады, остальные очистки заваривали в похлебку с отрубями. Колоски на скошенных полях собирали дети и сдавали в колхоз. И только глубокой осенью дети бежали на поле и по зернышку (со страхом) собирали то, что осталось, потому что даже на голых полях объездчики на лошадях плетками гоняли детей. Зато когда что-то удавалось принести домой - был праздник: мама молола зерно и делала вкусные лепешки, а ночью раздувались животы и дети стонали от боли. В селе начали умирать от голода дети и старики. Все, что было нажито до войны, мама возила на базар в район, оттуда привозила немного муки, если по дороге не отнимут. Иногда мама привозила несколько конфет-подушечек, завернутых в бумажку - дети забыли уже вкус конфет. Жили на реке, но рыбы почти не видели, лов ее был запрещен Рыбнадзором, и за рыбину могли убить. Эвакуированным было жить еще тяжелее, чем местным, и колхоз старался им хоть как-то помочь, поддержать - чтобы люди выжили.

От отца письма приходили очень редко. В 1943 году он был ранен, лечился в госпитале, но известий от него не было, и после окончания войны отец в семью не вернулся. Мама одна поднимала детей и всем сохранила жизнь.

Только в 1944 году Оля пошла в школу. Школа была большой «десятилеткой», ее трудно было протопить, обуви не хватало, многие дети ходили в лаптях с накрученными портянками, и иногда они примерзали к ногам. В классах света не было, редко освещали свечами, а в основном лучинами. Чернил и

бумаги тоже не было, поэтому разводили водой сажу, и на старых газетах Оля делала уроки. Учительница красила воду свеклой для записей при проверке тетрадей. И даже в таких условиях, в холодных классах при тусклом свете дети занимались с большим желанием и усердием. На несколько человек бережно из рук в руки передавали один учебник. Книг не было.

Мама очень уставала на работе, и дети старались всю работу по дому взять на себя: уборка, готовка из того, что могли найти, и стирка (мыла тоже не было, но мама наловчилась делать щелок из золы). Мама приучила чай заваривать травами и даже после войны не покупала чай в пачках, всегда на чердаке сушились пучки трав. Дети никогда не видели плачущую маму. Мама была очень сильным, мужественным и терпеливым человеком.

Однажды на одном из уроков всех детей собрали на школьную линейку, и директор торжественно, не сдерживая радости, объявил, что закончилась война. Радости у всех не было границ, а потом с этой вестью дети разбежались по домам.

В 16 лет Оля закончила школу, стала работать летом в колхозе учетчиком, а зимой в МТС - шлифовальщицей на станке. Брат служил в армии, сестра закончила 5 классов, тоже работала. Жизнь налаживалась.

В 1945 году все эвакуированные вернулись домой. Так случилось, что много позже к деревенским друзьям с Севера приехали молодые ребята, и Оля в одном из них узнала своего постояльца, звали его Петром, а через некоторое время Оля и Петр поженились. В 1954 году

вместе с мужем Ольга Ильинична переехала на Север в город Кировск. Отработала на Кировском руднике 33 года и в 1997 году ушла на заслуженный отдых. Вырастила с мужем двоих сыновей, воспитывает двух внуков.

Мельникова Тамара Алексеевна

Привет с фронта

Перед нами два пожелтевших от времени листочка. Они ровесники года Победы. Листочки, которые были свернуты треугольником. Мы с трепетом и осторожностью принимаем эту реликвию из рук нашей ровесницы, которая родилась во время войны - Тамары Алексеевны Мельниковой.

Боец писал письмо в перерывах между боями, и когда пришло оно по адресу в Белоруссию, то сохраняло запах фронтового дыма и гари. Отец Тамары написал письмо жене и дочери 7 января 1945 года, приближалась долгожданная Победа. Письмо дошло, а 28 января этого года мама Тамары умирает. Старшая сестра мамы тетя Лида тоже воевала и дошла до Праги. Она-то и сообщила отцу Тамары о смерти его жены. С фронта пришло еще одно письмо, в котором отец очень беспокоился о дочери, просил никому не отдавать дочку. Он писал: «Я приеду и буду сам воспитывать Тамару». Это было последнее письмо. Оно дошло, а отец погиб в самом конце войны, не дожив до победного дня двух месяцев.

В два года маленькая Тамара осталась полной сиротой. Воспитывали ее дедушка и бабушка. Письма с фронта берегла тетя Лида, затем передала бабушке, и когда внучка подросла, бабушка вручила ей эту сокровенную память. Одно письмо Тамара Алексеевна подарила сыну, другое предоставила обществу «Дети ВОВ». Его мы перепечатали, и каждый может прочитать и узнать, что заботило сердце солдата на фронте, когда он сражался с врагом за Победу.

Когда Тамаре исполнилось 18 лет, двоюродный брат пригласил ее на Север. Осенью 1951 года Тамара приехала, Север ей понравился, и она осталась навсегда в Кировске. Работала, вышла замуж, воспитывала детей. За заслуги награждена медалью «Ветеран труда».

Очень признательны Вам, Тамара Алексеевна, за возможность не только увидеть, но и прочитать письмо бойца с фронта. Говорить о войне Тамара Алексеевна не может. Очень трудно. Но в памяти навсегда сохранились образы дорогих людей - бабушки и дедушки, которые оберегали и воспитывали внучку в любви.

Расшифровка письма

БССР

*Могилевская область, Древожанский район,
Первомайский с/с, деревня Сластены, Гавриловой Марии
Яковлевне.*

Привет с фронта.

От Алексея Степановича!

Здравствуй моя дорогая Мария Яковлевна.

Воскресенье 7 января 1945 года.

Фрагмент письма

Передаю свой пламенный, боевой привет массу наилучших пожеланий в твоей жизни и работе, а главное здоровье, а также поздравляю с праздником дня Рождества. Во-первых сообщаю, что письмо твое писаное 3-го декабря я получил 7-го января, за которое очень благодарю. Оно мне принесло большую радость и удовольствие потому, что я от тебя писем не получал с 18 декабря. Во-вторых сообщаю, что я в настоящее время жив и здоров. Нахожусь на фронте в борьбе с немцами. Жизнь очень суровая. Но все ничего, война. Без лишений и трудностей врага не победишь.

Мария! Ты интересуешься во что меня ранило! Ранело меня в ногу. А как это трудней описать вам буду жив, то все расскажу. Здесь война не то, что там была. Здесь грохот, крик, дым, что и чорт не разберет что твориться.

Мария! Ты просишь прощенье за твое прошлое письмо. Я прощаю и требую, чтобы писала и такие письма не пиши. Ты должна понять, что я не где-нибудь в тылу, а на фронте в жестокой борьбе. А хоть и был бы в тылу. То и это на меня не повлияло! Ты в меня одна самая любимая. Я отдал тебе самые шальные и молодые годы своей жизни. Я хотя и ревновал но тебе любил как никого и некогда. За время нашей разлуки, мне много кто встречался. Но я остался верен тебе и своей дочери и останусь таким, если ты ждала и ждешь меня и была верной мне. А если нет, то лучше не ожидай меня, ибо мое возвращение принесет тебе только горе. Это меня заставляет делать моя божественная клятва и честь. Хорошо что перешла работать ближе к дому. Но бухгалтерская работа очень ответственная и

трудная. Смотри сама как лучше и легче тебе. Советовать не буду, и помочь не могу, потому что сейчас воюю. Если будет возможность, то буду помогать.

Хорошо, что пишешь про Тамару, Я очень рад, что она хорошая. Про нее мне пишут все. Ты пишешь, что Лида беспокоится о тебе и спрашивает кто муж. Она в местах находится с военными и знает хорошо военных. Она боится, чтобы не бросил. Пусть не беспокоится. Она хочет чтобы был всесторонне хорош. Всесторонне хороших трудно найти. В общем, напиши, что сошлись со школьной скамьи. Какая моя судьба, такой и муж. Я ей может быть напишу немного. Таких по ее специальности я встречал много и знаю их, что за они. Мария! Больше пока что писать не буду. На этом заканчиваю свое письмо. Прости, за все не по душе написанное. Остаюсь всегда Ваш.

Дорогая Мария! Пиши по чаще письма, чтобы я не обижался и был доволен твоими письмами. Напиши где вы были в беженцах и с какого времени. Напиши, где Равкин Петри и Квач Егор наш кум. Пиши как живешь, про все новости, про родных и т.д. Пока до свидания. Жду ответа. Всегда Ваш Леша. Привет матери, Томе и Вале. Горячо целую тебя и дочь.

Привет от прощания
От Николая Битманова

Здравствуй моя дорогая Мария Лева,
Воскресенье 7^е декабря 1945г.

Передаю свои наилучшие тебе
привет и массу наилучших пожеланий
в твоей жизни и работе, а
главное в здоровье, а также проздравствуй
с праздником дня Рождения
Во-первых сообщу тебе письмо твое
получено 3^е декабря и получил 4^е
декабрь, за которое я благодарю.
Для мне приятно большое ра-
дости и удовлетворения потому что
я от тебе письма не получил с
18 декабря. Во-вторых сообщу тебе
я в настоящее время жив и здоров
Молодцы все проходит в борьбе с
неприятными явлениями. Но все
жизнь война, без минимума и тру-
дностей, война не поведишь
Мария! Не интересуйся во здо-
ровьи, радуйся! Радуйся всем в жизни
А как? Это трудный этап
Вели буду жить ты все выдержи
Здравствуй не то что ты помню
Здравствуй твой друг, что и есть
не разлучены ты поведишь
Мария! Не проводишь трудные ты
твое прошлое не забывай. Я прошу и
требую, чтобы ты была покаяна.

Фрагмент письма

Попондопуло Мария Михайловна

Родилась Маша в декабре 1933 года в семье крестьян в поселке Горный Чердаклинский района Ульяновской области. Отец Михаил Семенович Яушев работал в колхозе конюхом, мама Клавдия Александровна - на полевых работах. В семье было двое детей: Маше 8 лет, сестре Вале 5 лет. Лето 1941 года выдалось теплое. Родители допоздна задерживались на работе, Маша была занята сестрой и домашними делами, а летом еще приходилось помогать в колхозе в период уборки урожая: собирать картофель, горох, после жатвы подбирать колосья. В школу Маша не ходила, в поселке школы не было, надо идти 6 километров от дома, но не было одежды и обуви. Работы хватало дома. Лишь изредка удавалось поиграть с соседскими детьми.

В один из теплых июньских дней из единственного в поселке репродуктора разнеслась страшная весть:

мужской голос диктора объявил о внезапном нападении Германии на Советский Союз. Люди оцепенели от ужаса, а затем по поселку понеслись плач и крики. На второй день была объявлена мобилизация, и сельчане со слезами и причитаниями провожали мужчин и старших сыновей на фронт. Мужчин посадили на машины, в одной из них увозили и Машиного отца. В селе остались старики, женщины и дети.

В деревне и до войны жили бедно, а с началом войны наступил голод. В семье Маши выручала корова, но теперь молоко уходило на взбивание масла - была установлена каждому двору определенная норма для отправки продуктов на фронт. Все деревни, села и поселки страны работали для обеспечения фронта продуктами. Все для фронта!

Осенью работы у Маши прибавлялось, она помогала маме заготавливать сено для коровы. Зимой его все равно не хватало, и мама запаривала солому с крыши дома. Корова тошала так, что часто приходилось подвязывать ее веревками.

В Ульяновской области бои не проходили, но над поселком иногда пролетали самолеты, пугая селян. Вглядываясь в небо, люди не могли определить, чьи они и чего ожидать.

В 1942 году отец получил серьезную контузию, и его комиссовали. Когда вернулся домой, то продолжил работать конюхом. Однажды отца с помощником отправили с поручением в соседнее село в сельсовет. Проезжая через поле мимо заброшенного комбайна (не было горючего), увидели рядом бочку с солидолом. На конюшне стояли телеги, но смазывать их было нечем, и

отец отлил в ведро немного солидола. А уже на второй день, когда еще все спали, в доме появились люди. Отца арестовали, в доме произвели тщательный обыск. Отца осудили на 3 года и отправили на работы в Сибирь. На руках беременной мамы остались две дочери.

Семья, оставшись без отца, очень бедствовала. А еще в этом же году случился пожар, дом сгорел. Опорой погорельцам стал дедушка, который жил в соседнем селе и работал на мельнице. Большую часть своего заработка или пайка (а это в основном отруби, иногда горстка муки) он передавал детям. В апреле 1943 года родилась сестра Галя. К этому времени подросла Валя и стала помогать Маше. Наступила весна, недалеко от поселка растаяли заливные луга, где рос дикий лук. Оставляя сестер одних, Маша убегала собирать лук: его использовали в пищу, добавляли к травам и отрубям в похлебку и в лепешки. И тогда казалось, что ничего вкуснее нет, лук был сладкий. Выручали летом крапива, лебеда, а еще собирали с поля прошлогоднюю картошку (тошнотики). Отгаивая, она сочилась густой белой жижей, но мама из нее делала лепешки с добавлением трав, а на зиму - крахмал, из которого готовили похлебку.

Мама с раннего утра до темноты была на работе, а на Маше - все домашнее хозяйство: стирка, уборка и сестры. А летом, оставляя сестер одних, часто приходилось помогать в колхозе. Маленькая худенькая девочка работала как взрослый человек, а силенок было маловато. Девочка рано научилась доить корову, но животное не очень-то подчинялось ей, старалось убежать. Мама уставшая возвращалась домой и

додаивала корову. Однажды, вытаскивая ухватом из печи чугунок со щами, Маша не удержала его, и он опрокинулся - щи остались на полу. Плакала Маша (чем кормить детей?) и орали голодные сестры. Девочка сообразила, что можно подоить корову, и напоила младших молоком.

Так день за днем проходило нелегкое военное детство, а было этих дней - 1418.

Деревенские жители ежедневно собирались у единственного репродуктора, чтобы послушать сводки с фронта, и радовались самой малой победе. Маша помнит, что творилось в поселке, когда почтальон приносил конверты со страшным известием - были это похоронки. Люди вместе переживали горе, поддерживая друг друга.

Вместе радовались, забыв на время все тяготы жизни, когда пришла долгожданная Победа.

В 1945 году отец завербовался на работу на Север, устроился кочегаром на АНОФ-1 комбината «Апатит». От отца жене пришло письмо с просьбой переехать вместе с детьми к нему. От работы отец получил 12-метровую комнатку в бараке. Только в 1946 году в г. Кировске Маша в 13 лет смогла пойти в школу в 1 класс. Таких детей было немало, и в этом классе были ученики всех возрастов - так сложилась судьба детей войны. Закончив 6 классов, Маша устроилась на работу, чтобы как-то помогать семье. Сначала работала нянечкой, а в 1951 году поступила на Хлебозавод. К этому времени семья увеличилась, появилось еще три сестры. К 1954 году в семье было уже 8 детей. Старшие дети работали. Отец продолжал работать на фабрике, мама занималась

домашней работой и детьми. Отец умер рано, в 1958 году, от болезни, характерной для производства в нашем районе - силикоза легких, и мама с детьми осталась одна.

Сколько же горя вынесла эта простая русская женщина! Никаких слов не подобрать, чтобы рассказать о жизни героической и мужественной женщины-матери Клавдии Александровне Яушевой.

В 1951 году Маша вышла замуж. 33 года Мария Михайловна отработала на одном предприятии - Кировском Хлебокомбинате. Участок был тяжелый - тестомесильный агрегат. За смену несколько раз емкость на колесах весом 900 кг приходилось с напарником перевозить вручную к расфасовке теста. За добросовестный труд награждена медалью «Ветеран труда», ей неоднократно присваивали звание «Ударник коммунистического труда», ее труд отмечен многочисленными грамотами. Воспитала сына и помогала растить двух внуков, есть правнучка.

Савоткин Николай Александрович

Сразу следует отметить, что эти материалы о воспоминаниях Николая Александровича взяты из его рукописи «О прошлом и будущем». Эта целая книга рукописного материала. Автор излагает происшедшее и прошедшее для того, чтобы оглянуться, вспомнить людей, дела, события, к которым имел отношение или в которых участвовал. Пережито, сделано в ходе участия во всех событиях и делах страны автором фантастически много, хватит на несколько жизней в более спокойных условиях. Достаточно упомянуть о полученных и использованных 14 рабочих разрядах от машиниста триерной машины, слесаря до помощника комбайнера и пчеловода. О спортивных достижениях: от кандидата в мастера спорта по мотокроссу до 1-го и 3-го разрядов по другим видам спорта. Кроме того, у автора этих воспоминаний более 120 научных работ и публикаций в

России и за рубежом, он выпустил около двух тысяч учеников, большинство из которых стали студентами, принимал участие в становлении сотен учителей. Также можно упомянуть о победах во Всесоюзном смотре художественной самодеятельности 1961 года, в международных конкурсах «Исследователи педагогики мира» 1996 года, «Учитель 21 века» 1997 года, «Учитель года» 1994, 1995, 1996 годов...

Большинство их тех, детей войны, кто дожил до настоящего времени, имеют не менее обширный список дел и участия в событиях, ведь лодыри долго не живут. К сожалению, общество взяло от предыдущих поколений лишь материальные результаты труда, пренебрежительно игнорируя интеллектуальные, нравственные, духовные, моральные ценности, устои и опыт, многовековой образ жизни.

Родился Николай Александрович 1 января 1936 года в селе Брынь Смоленской области. Богатейший край был. Помимо старшей сестры Кати, здесь же в 1937 году родился брат Женя. Младшая сестра Нина родилась в 1947 году.

Самые ранние воспоминания: отец в темной рубашке с рядом белых пуговиц держит детей на коленях и исчезает. Началась финская кампания, к концу которой отец получает тяжелое ранение. Практически из госпиталя он снова попадает на фронт - теперь на фронт Великой Отечественной войны, которую с ротой автоматчиков прошел от Белоруссии до Москвы, от Москвы через Днепр, Польшу, до штурма Рейхстага. Много раз был ранен. За форсирование Днепра представлялся к званию Героя, но по подлогу чуть не

попал в штрафбат. Демобилизован в конце мая 1945 года большим малярией, которая трепала его каждую весну до 1949 года.

Приход немцев для жителей села сразу же мог закончиться трагически. Спрятались в погребе Лепшиновых через дорогу и сидели там, слушая стрельбу и взрывы. Мама вдруг вспомнила, что забыла забрать главную ценность - швейную машину. Как только стрельба стала тише, она побежала за ней. Мы тут же выскочили из погреба и оказались на крыльце. Отложилась в памяти следующая сцена, весь ужас, которой был осознан много позже. Мама с машинкой на крыльце дома, дети под горкой на крыльце Лепшиновых. Справа от детей, пригнувшись, по дороге продвигаются немецкие солдаты. Зафиксировалось в памяти кадром из немого кино. Снега еще не было.

Потом через село пошли потоки немцев, часть которых на ночь задерживалась, располагаясь на полу, на кроватях. Детей и маму загоняли на печку, на наст между печкой и стеной (под ним в морозы держали теленка и другую живность). «Матка, яйца, млеко», - звучало от каждой новой партии. После этого немцы шарили по избе в поисках съестного и тряпок. Когда рисуют немцев, закутанных в шали, одеяла и всякое тряпье, то это не карикатура. Именно так они запомнились, а не как бравые, подтянутые. Кур, овец и другую мелкую живность порешили сразу. Потом откуда-то тащили свиней, медовые соты...

Достаточно быстро все поняли, что самыми свирепыми и беспощадными были румыны и поляки. Когда они занимали село, то семью в лучшем случае

загоняли под печку. Съестное они забирали до последней крошки, спрятать от них что-либо было невозможно. Достаточно быстро все крестьянские запасы были уничтожены, и дети выживали только чудом, благодаря маме. Запасы мяса из-за предательства соседки (ее расстреляли наши) немцы взяли сразу. Большую часть картошки, капусты и других овощей почти полностью забрали. Мама догадалась остаткам, как сказали бы теперь, придать нетоварный вид. Этим семья и кормилась – в этом повезло.

По нужде приходилось ходить во двор, и каждый раз было очень страшно – часто гремели взрывы. Кроме того, во дворе стояли огромные лошади. Один снаряд попал во двор и, разорвавшись, убил лошадей (как потом сказали, шесть). Туши этих лошадей сбросили в овраг. Мама пилой отрезала куски мяса и варила. Запах и вкус той конины не лучшего качества преследовали Николая Александровича даже много лет спустя. Так же, как и запах пожарищ. Когда в кино или по телевизору позже показывали пожар, то Николаю Александровичу казалось, что транслируют не только картинку и звук, но и запах.

Впечатление о немцах осталось не лестное: в комнате, где они присутствовали, они безо всякого стеснения выпускали газы днем и ночью, в том числе и во время еды. Первое, что они делали, появляясь в доме - заставляли маму растапливать печь, затем раздевались догола (членов семьи за людей не считали) и помещали белье в печь. Вшей было невероятно много, треск от них сравним с градом по стеклу или звуками начинающегося пожара. Конечно, вши сопровождают человечество всю

его историю, но немцы оставили после себя такое их количество, что избавиться от них смогли только через долгие годы. Из-за них школьники ходили стриженными под ноль.

Вторая напасть - чесотка. Откуда брались клещи – неизвестно, но раза два-три в год приходилось мазаться противной вонючей ихтиоловой мазью.

А третья напасть - блохи. Блох было столько, что когда в сарае тревожили сено или просто входили туда, в воздух поднималось целое облако из них. Прыгали они изумительно. Дети забавлялись, соревнуясь, чья блоха дальше прыгнет. Борьба с блохами велась настолько интенсивно, что в 70-х годах декан биологического факультета МГУ жаловалась, что трудно найти блоху для показа студентам.

Была очень большая вероятность возникновения эпидемий из-за диверсий. Частыми были случаи заражения скота сибирской язвой и другими болезнями. Свирипствовал туберкулез. Ловили тех, кто отравлял колодцы.

Достаточно религиозные немцы, на глазах Коли, подаренную ему при рождении иконку Николая угодника освободили от оклада, а саму ее использовали как подставку для свечей. Многократно демонстрировали свою жестокость. Около плечика печи была деревянная перегородка, на которую немцы вешали винтовки. Коля по какой-то причине вскарабкался на это плечико. Тут же на печь влез немец, ударил ребенка так, что голова его с силой ударилась о чугунную ручку дверцы (для перекрывания дымохода). След в районе

макушки остался на всю жизнь и, возможно, стал причиной постоянных головных болей после 30 лет.

Один раз, под Рождество, немец усадил Колю и его брата на колени, дал им и сестре конфет и плакал, показывая маме, что у него есть такие же дети.

Как-то в конце декабря в хату вошли два солдата и староста (потом его расстреляли) и под «шнель, шнель» выгнали всех, построили и погнали неизвестно куда. Потом выяснилось, с какой целью: в рабство женщин, на обескровливание детей. Первых в Германию на работы, детей - в концлагерь Красные берега в Белоруссии, где у них отбирали кровь для немцев. Мама посадила Женю и переболевшую Катю на сани, Коля брел сзади. Зима была морозная, заснеженная дорога показалась тогда невероятно долгой, тем более, что брели по ней ночью. Примерно через 2-3 км женщины бросились в кусты хватать бесценное «мыло», но затем так же активно начали от него избавляться. Мыло оказалось толком - взрывчаткой. Стирали и мыли тогда щелоком, приготовленным из воды, мыльной болотной травой и другими средствами. Мама изобрела какой-то новый способ: все поражались белизной отстиранного белья.

Гнали людей до мельницы около деревни Плоское, загнали в нее всех и закрыли. Темнота была страшная, хотелось спать, дремали стоя. Это помогло сохранить тепло. Основным мучением была невозможность сходить в туалет.

Потом оказались в кулацкой деревне Хотисино, где немцы, неизвестно почему, оставили всех (впрочем, бежать было зимой некуда, кругом лес с речками и болотами), набив в каждую избу как селедок в бочку.

Хозяйки домов могли бы всех прокормить (немцы их не тронули), но они даже гнилой картошки не давали. Женщины были вынуждены побираться по лесным деревьям, куда немцы не заглядывали - боялись партизан. Зато потом люди не без злорадства выслушивали мольбы хозяек помочь им спасти их скarb, когда немцы стали подрывать и поджигать деревню. Запомнилось, как немцы бегали с минами-тарелками от дома к дому.

Возвращались назад в марте, дороги были грязные, по обочинам снег. По возвращении домой семья испытала настоящее счастье. Корова от грохота орудий зимой убежала и провела зиму где-то у брошенных стогов с сеном. Вернулась с теленком. Корова и спасла семью от голодной смерти, которая унесла десятки других жизней.

Многое не запомнилось. Например, рытье траншей и противотанковых рвов женщинами, выкладывание снежной стены вдоль всей улицы, работы по очистке. Запечатлелась стрельба танка из-за снежного укрытия, поимка партизана с гармошкой и то, как два танка его разорвали около дома Калюкиных. Запомнилась сломанная изгородь палисадника, которая использовалась для защиты дорог от снежных заносов, низко пролетевший громадный самолет с крестом, скорее всего сбитый, так как в том направлении, в котором он двигался, был только лес, кустарники и холмы, и сесть там было негде. Еще запомнился пожар в соседнем доме, дядя Ваня, тщетно забрасывающий пожар снегом, и вкусное заварное тесто, пережившее пожар в печи.

Соседний дом Кудряшовых немцами использовался как штаб. Это, наверное, послужило причиной того, что в него попал снаряд - как тогда говорили, «Катюши». Правда, скорее всего, это все же был обычный снаряд. Когда били «Катюши», картина была - страшнее не придумаешь.

Сами Кудряшovy жили как и все - на печке и под печкой. При пожаре повели они себя - смех и грех. Баба Дуня разбила боковое окно, затолкала туда молодку Полину, чтобы та вынесла ценные вещи. Уже начал обваливаться потолок, когда Поля вывалилась из окна с двумя старыми домоткаными половиками, которые она скатала и подняла с пола. Эта картинка очень часто вспоминалась Коле после войны - хотя при пожаре многие ведут себя нелепо и странно.

Вернувшись в Брынь сразу после освобождения, семья оказалась выброшенной из своего дома уже нашими. Дом был пятистенкой: два жилых помещения 7х5 метров, разделенных сенями. В одном помещении жила семья, другое, с заколоченными окнами, использовалось для скота. Советская армия выбрала квартиру для себя под штаб или решила поселить туда командиров, а семью отправили в нежилое помещение. Только после обращения мамы к командованию ее с детьми вернули в дом.

С приходом наших жизнь резко изменилась. Хотя стрельба продолжалась, с питанием особых проблем не возникало, а потому обстрелы почти не волновали. Солдаты всех подкармливали из походной кухни. При воспоминании об этом всегда возникало чувство стыда:

дети бегали с котелками к кухне в одной рубашке, без штанов. Коле шел седьмой год.

Как раз в это время Коля впервые увидел кино. Солдаты демонстрировали его на стене барского дома. Запомнились рушащиеся при взрывах дома.

Так как Брынь оставалась в зоне боевых действий, то всех жителей эвакуировали в Тульскую область. Маму по работе отправили в Сухиничи - город с узловыми железнодорожными станциями. Этот город был важным стратегическим объектом, через который непрерывно шли грузы, военная техника, войска во всех направлениях, в том числе и по шоссейным дорогам на Козельск, Тулу, Людиново, Орел. Немцы предпринимали отчаянные попытки вывести из строя в первую очередь железную дорогу. Поэтому бомбили как по расписанию с 18 до 6 утра. В небе днем постоянно появлялись вражеские самолеты-разведчики. Сразу же с трех аэродромов поднимались наши истребители, и в небе разгорались воздушные бои. Человек быстро ко всему привыкает, так и жители быстро привыкли жить при бомбежках и непрерывной работе зениток. При особо сильных обстрелах уходили в траншеи возле дома. За воздушными боями наблюдали очень напряженно, обычно стоя на крыльце. Осколки зенитных снарядов часто сыпались градом, пробивая крыши, убивая людей. Однажды, стоя на коляске, Коля катался, отталкиваясь от стены руками, коляска откатывалась на небольшую горку и снова возвращалась к стене. Когда он оттолкнулся в очередной раз, между рук пролетел осколок и врезался в землю, прямо в то место, где только

что, долей секунды назад была голова Коли. Отделался он ожогом рук, когда схватил осколок.

Истребителям несколько раз удавалось заставить сесть немецкие самолеты. Это было приятное и красивое зрелище. Радовались, наблюдая взрывы и падения с дымящимся хвостом немецких самолетов, и горевали до слез, когда падали наши. Как-то раз оцепенели от страха – показалось, что наш сбитый истребитель падал, точнее, летел прямо на людей, стоящих на крыльце. Он упал сразу за домом. Были и особо сильные бомбежки. Грохот взрывающихся бомб, зениток, рев коровы и теленка, исполосованное прожекторами трассирующимися пулями небо, светящиеся бомбы-САБы. Иногда раздавался визг тысячи недорезанных поросят, рев раненых медведей: немцы для устрашения сбрасывали куски рельсов и утяжеленные пустые бочки. Все это наблюдали, обычно сидя в окне. Как было страшно, можно судить по следующему эпизоду.

Из деревни в гости пришла эвакуированная в Тульскую область женщина. Сначала восторгалась, как у них хорошо с продуктами. Но как только после вечера началась обычная бомбежка, заметалась по дому, стала забиваться под кровати и ночью ушла.

С питанием в Сухиничах было, по меркам того времени, было неплохо. Помогала корова. Помогали и дети, собирая щавель и крапиву, да и еда с солдатских кухонь была кстати. За мешок крапивы давали четвертинку водки, за полмешка щавеля - бутылку. На них легко можно было выменять мешок белых или черных сухарей.

Осенью 1943 года семье разрешили вернуться в Брынь. Маму Коли назначили заведовать молочно-товарной фермой. Очень быстро она вывела ферму в передовые, хотя кормить коров весной приходилось соломой с крыш. На ферме были и овцы. Донимали волки, их было так много, что по вечерам они часто сидели на тропинке вдоль огородов. У всех было по 40 соток, разделенных тропинкой на две части. 2 раза волки резали всех овец в загоне. Зрелище не для слабонервных: видеть овец с разорванными глотками, выпущенными кишками, разодранными боками, везде лужи крови.

В 1944 году Коля пошел в первый класс Брынской средней школы, в которой учились дети из деревень, находящихся в радиусе 5-7 км. В школу все ходили пешком, некоторые на лыжах, ежедневно. Из-за войны в первый класс пришли ребята и старше Николая. Занимались сначала в двух помещениях, потом добавилось еще одно. Классы переполнены - 50 в каждом. Учебников не было до конца первого учебного года, тетради делали из книг, для чистописания шли 1-3 и последние страницы. Чернила - из шишек на дубовых листьях. Они получались красные, чем учительница была недовольна. Вместо парт были скамья и стол из длинных досок на 8 учеников, свет - одна керосиновая семи- или десятилинейная лампа. Только в 1948 году запустили движок, и в классах появилось по одной лампочке. Доски вытирали заячьей лапкой, мокрой тряпкой запрещалось: вода замерзала, и мел на такой доске пол-урока не писал. Учебников было мало и, например, в 3 классе учебник по арифметике был только у учительницы, поэтому столбцы примеров, задачи

приходилось запоминать и по памяти дома решать. С карандашами, бумагой дети познакомились после окончания первого класса, когда стали приходить посылки от отца с фронта (когда война перешла в Польшу и Германию).

Занятия проходили в две смены. Коле больше нравилось вторая смена, чтобы задания делать вечером, а утром - работа по дому, уходу за скотом, натаскать воды, уборка, и ты свободен. Все дети (не исключая первоклашек) в апреле-мае помогали колхозу, с 5 класса местные были юннатами. Каждому выделили по одной сотке для выращивания разных овощей, мака, табака и другого. Уроков труда не было, его и так было предостаточно. Николай выращивал на своей сотке непривычные для средней полосы растения: у него были дыни, кабачки, помидоры (десяток сортов). Руководил кружком Фунт Иосиф Алексеевич, директор школы и учитель биологии, отдававший детям все свое время и умение.

С огородами были проблемы у всех. Земля за 2-3 года стала целиной. Копать приходилось лопатами, которых осталось очень мало, так же было и в колхозе, частично пахали на коровах, быках, но в основном - лопатами. Нормы были невероятно большими - 5 соток в день. За эту работу начисляли 2,5 трудодня, но от этого она легче не становилась. Сжать хлеб и уложить его в крестцы нужно было с 10 соток. Скосить с 25 соток, рожь, пшеницу, ячмень - до гектара. И это все женщины. В какой-то момент стали пригонять табуны трофейных лошадей, которые дошли от непомерной работы и истощения. Чтобы прокормить лошадь, зимой нужно

было много работать, надо заготовить сено с одного или двух гектаров. Летом лошади паслись на лугах.

Для посадок требовался картофель, семена. Семена хранились как особая ценность. Даже после всех передраг они остались у многих. Поделившись друг с другом, люди эту проблему решили. Хуже было с картошкой, точнее, ее просто не было. А если и была, то надо же было что-то есть.

Первые посадки продемонстрировали упрямство, сообразительность и трудолюбие крестьянских женщин. Очистки от съеденной картошки брались с солдатских кухонь, сортировались, выбирались очистки с глазками (остальные шли в хлеб), проращивались и выращивались как рассада. Когда кустики подрастали и появлялись пасынки, их обрезали, помещали в воду, а с появлением намеков на корешки пересаживались в земляную жижу, а затем в грядки, ухаживали за ними как за ребенком.

Уже летом 1944 года Коля начал активно осваивать промысел в лесу и на воде, под водой начал плавать без особых усилий. Это пригодилось при ловле рыбы руками. Старшие ребята начали брать Колю на глушение рыбы очень рано. Глушили рыбу на Брыньке. Часть рыбы всплывала на поверхность, а часть опускалась на дно, поэтому надо было и плавать, и нырять. Присматриваясь к процессу глушения, очень быстро научился делать это сам.

Потом, участвуя в походах на минные поля за взрывчаткой, освоил и это страшное дело. Однажды оказался за полшага от гибели: вынув чеку из взрывателя русской противотанковой мины, не смог удержать мокрыми руками пружину и целую вечность чувствовал,

как боек приближается к капсулю и втыкается в него - не взорвалось. В один из походов на глазах у Николая кто-то или в спешке, или неудачно разбирал мины - и несколько мин-«лягушек» одновременно взорвалось над ребятами, искромсав их тела.

Взрывающихся и других предметов войны было много тогда и осталось до сих пор. Есть места, где остались противотанковые мины. Однажды дети натолкнулись в болоте на торчащую башню немецкого танка. Позже, каждый год башня опускалась все ниже. Николай Александрович думает, что погибший экипаж остался в танке, танк закрыт изнутри, а выбраться через нижний люк в болоте невозможно.

Оружия было много, оно было везде. Почти любое можно было найти в лесу, на полях, где дети его и добывали. Увлекались как самодельными, стреляющими пулями или дробинками, так и чисто шумовыми. Теперь Николай Александрович удивляется, что никто из них не пострадал, хотя несколько раз были близко от смертельной опасности. Выстрел из плохо закрепленного ствола одного из пистолетов лишь случайно не попал в голову другу, при сушке у костра капсулей он лишился глаз и пальцев рук. В 1949 году, будучи пионерами, Николай с друзьями зашли к бабушке, хотели ей помочь и вдруг обнаружили, что она толчет картошку гранатой. Брошенная потом в овраг, она взорвалась, а пользовалась этой гранатой бабушка с 1943 года.

Так дети занимали себя. Хотя были и разные другие игры: например, катание на льдинах (что было очень опасно), также они играли в траншеях, сжигали

пачки пороха: их поджигали и бросали вверх, они вспыхивали и рассыпались фейерверком. Удивительно, что серьезно никто не пострадал. Только когда рылись, доставая пачки пороха, Гришка Быков бросил туда зажженную спичку и превратил всех ребят в негров.

Существовали и другие игры: прежде всего лапта, катание на санках с горы зимой, крашение яиц на Пасху и другие. Игр было великое множество, в каждой несколько вариантов: игры с мячом, десяток в хлестик (чижа), в прятки, в городки, в войну. Игры носили сезонный характер.

Самым голодным из всех был в Брыни 1946 год. Гуманитарная помощь прекратилась в 1944 году, более того, появились налоги, и довольно серьезные. Независимо от наличия живности, крестьяне должны были сдать определенное количество яиц, молока, шерсти, зерна и другого. Не все сумели, успели или смогли посадить нужное количество картофеля, овощей. Не все смогли собрать урожай - для этого нужны силы, нужны полноценные работники, какими женщины и вернувшиеся солдаты не являлись. Кроме этого, из-за высоких грунтовых вод весной 1946 года было залито все подворье. Картошка, свекла, морковь погнили не только под полом, но и в ямах. Как только растаял снег, все, от мала до велика, стали искать осеннюю пропущенную картошку. Находили ее промерзшую, сразу поджаривали. Весна и начало лета превращали всех в настоящих вегетарианцев. Положительную роль сыграла общественная организация труда. При выполнении всех трудных работ организовывалось

общее питание (на пахоте, севе, покосе). В праздники столы накрывались на улице для всех жителей.

Вся Брынь была озадачена пропитанием. В ход шло все, от щавеля, крапивы до коры липы и березы, хлеб, который пекли неизвестно из чего. При выходе замуж мама имела изумительную хлебную закваску и берегла ее как величайшую ценность. Хлеб с ней получался значительно вкуснее даже из суррогата. И только в 1947 году, когда появилась мука, булки стали ее гордостью и настоящим лакомством.

Семью спасала корова. Позже появились куры, дававшие по 2-3 десятка яиц весной. Кур использовали только в крайнем случае, обычно при болезнях. Находили консервы (в лесах было много заброшенных землянок), но в них таилась опасность отравления, что и происходило то в одной, то в другой деревне. Гибли семьи и от весенних грибов сморчков и строчков, их ели, не зная, как правильно готовить. Для мальчишек подспорьем были яйца птиц. Они очень быстро находили гнезда, но обязательно оставляли 2-3 яйца. За ними лазили по гладкому стволу столетних лип около дома. Часто срывались, падали и разбивались. Как правило, добытая птица или рыба тут же жарились на костре и коллективно поедались.

Не хватало не только еды. Сейчас даже невозможно представить, чтобы женщины ходили без трусов и штанов, без рукавиц. Зимой они ходили в лес заготавливать дрова и везли их на санках домой. Валенки или сапоги были роскошью. Основной обувью были лапти и шахтерки типа галош, склеенные из автомобильных покрышек. Мужикам было легче,

женщин же одеть в штаны считалось невозможным, чуть ли не кощунственным. Несколько раз (в 43-44 г.г.) приходила одежда в составе американской помощи. Но ни одного раза детям красноармейца, воевавшего на фронте, и работающей маме ничего не выделили.

Папа работал заготовителем кожсырья. Среди боевых наград у отца был Орден Отечественной войны, предмет особой его гордости. Такой орден имели немногие.

С войны отец пришел тяжело больным.

После школы Николай Александрович закончил педагогический институт. В семье Савоткиных много педагогов: Николай Александрович, его жена Светлана, сестра Екатерина и другие. К 2000 году их общий педагогический стаж составил более 500 лет.

Соломонова Антонина Александровна

Родилась Тоня 23 июня 1941 года, на второй день после нападения фашистов на нашу страну, а уже на следующий день маме с тремя детьми пришлось отправиться в эвакуацию. Тоне всего 1 день от роду.

Отец - Горлачев Александр Терентьевич, старшина милиции, остался в Кировске на охране безопасности города. Целый месяц мама с детьми, один из которых новорожденный, ехали в теплушке. Везли их в Татарию, в неизвестность, до станции Утаза, а дальше 10 километров надо было добираться до деревни Узьяк. Поселили их в заброшенной полуразваленной избе. Надо работать в колхозе: маме пришлось и землю пахать, боронить, и жать, и косить. Старшие ребята помогали, как могли: добывали дрова, латали крышу дома, смотрели за маленькой сестренкой Тоней. Хорошо, что на молотилке иногда расплачивались хлебом, мать несла его детям, а сама обходилась пустым горохом. А в другие дни голодали, как и все в эвакуации. Тоня этого не помнит, ее просто старались беречь, позже это все рассказывала мама и старший брат. Брат помнил, как в одной избе хозяйка не пустила их даже погреться на печку. Вот так и выживали.

Наконец-то пришло время двинуться в обратный путь. Ехали люди, уставшие от нужды, бедствий, голода, и им иногда хотелось замкнуться только в своих проблемах и оттолкнуть чужие. Было очень трудно, обратный путь не был легче. И спасало только то, что мама смогла скопить на дорогу немного муки, соли и крахмала. Этим и питались.

В Кировске жизнь пошла своим чередом. Дети сразу пошли в школу, а Тоня пошла в первый класс 1 сентября 1948 года, закончила 10 классов, а затем техникум. Потом работа. В 1967 году вышла замуж, воспитала двоих детей и имеет 4 внуков. Награждена медалью «Ветеран труда».

Отец всю жизнь посвятил одному делу - охране безопасности города во время войны и после, в мирное время, охране покоя жителей города Кировска.

Шаталова Клавдия Ильинична

Война застала семью в селе Паревка Инжавинского района Тамбовской области. Родилась Клавдия Ильинична 23 октября 1932 года в крестьянской семье. Довоенное время Клавдия Ильинична помнит смутно, жизнь была спокойная и размеренная. В семье пятеро детей.

И вдруг - война. 22 июня 1941 года - война.

По селу стоны, крик, плач детей, слезы жен и матерей. Клаве 8 лет. Всех мужчин по очереди мобилизовали на фронт, отца Клавы призвали в августе 1941 года. Большое село опустело, остались старики, женщины и дети, так же, как и в семье Клавдии. Но надо было продолжать жить, думать, чем кормить детей, добывать дрова. Дровами занимались дети с мамой, привозили бревна, старшие дети работали по дому, следили за младшими.

Наступил страшный голод. Клава вспоминает, как все время хотелось есть, а еда во всех домах одна и та же (да и той не досыта) - лепешки из лебеды и крапивы с добавлением отрубей, похлебка из этих же трав с добавлением картошки, мякины. Хлеба нет. Все для фронта! Техника, продовольствие.

В селе от голода начали умирать люди один за другим. В семье Клавы тоже смерть - умирают двое детей.

Наступило 1 сентября, Клава с детьми пошла в школу в первый класс. В селе была средняя школа, но не было ни света, ни радио (только в сельсовете). Писать приходилось на газетах чернилами из сажи, свет давали деревенские керосиновые лампы. Тамбовская область не

была в оккупации, но все жили в страхе - что же их ждет дальше. Над селом стали появляться немецкие самолеты, они сбрасывали «зажигалки» и улетали. «Зажигалки» гасили. Жители села установили ежедневные дежурства на крышах, чтобы не допустить пожаров, сбрасывали бомбы с крыш строений. По вечерам люди собирались у сельсовета послушать сводки с фронта.

Учеба в школе шла своим чередом, на полном серьезе, даже голод не мешал учиться. Клава вспоминает, что у них были изумительные учителя. В памяти остался директор школы Лазорин Иннокентий Григорьевич, удивительный человек, вел уроки русского языка и литературы. Дети его не боялись, они его любили. На его уроках было всегда интересно, с тех пор осталась любовь к литературе. Светлая память Иннокентию Григорьевичу.

В селе стали появляться беженцы, среди них был человек немецкой национальности (возможно из поволжских немцев). Звали его Павел Ильич, пожилой и очень хороший человек. Клава хорошо освоила немецкий язык, так что в дальнейшем в институте он давался ей легко. В перерывах между уроками Павел Ильич брал скрипку, и по школе лилась красивая музыка - дети отдыхали. По окончании школы немецкий язык все знали на «отлично». И вообще, как осталось в памяти у Клавдии Ильиничны, школа была укомплектована первоклассными преподавателями.

И все-таки школу ребята оставляли, шли работать в колхоз - заставляли нужда и голод. Надо было помогать матерям кормить семьи. Из двух полных начальных классов (60 учеников) окончить школу смогли только 14

человек, все они затем закончили техникумы или ВУЗы, четверо - военные училища, а один из них даже преподавал в Военной академии в Москве.

Война, война!

Село переживало ад войны в условиях, когда люди видели только пленных немцев. А что же пережили те, по земле которых проходили вражеские солдаты и шли бои? Клава думала: «Мы-то на своей земле родной, а каково было русским людям в плену у немцев».

В 1950-1955 году Клава училась и закончила технический ВУЗ в Саратове. С благодарностью вспоминает заботу Советского правительства о студентах: послевоенные годы тоже были очень трудные, но запомнился хлеб в студенческих столовых, постоянно без ограничения, и это очень помогало вечно голодным студентам. Все получали стипендию и могли на нее жить.

По окончании института получила направление на работу в Ригу, где дали жилье и опекали опытные специалисты. Некоторые из выпускников работали в Министерствах в Союзных республиках.

В 1956 году Клавдия Ильинична вышла замуж и переехала на Север в город Кировск по месту работы мужа.

Основную часть своей трудовой деятельности отработала завучем Учебного комбината производственного объединения «Апатит».

Отец Клавдии Ильиничны был призван на фронт в августе 1941 года, участвовал в сражениях за Сталинград, дошел до Рейхстага и вернулся домой

живой, но весь израненный и больной. В 1973 году его не стало.

Клавдия Ильинична воспитала двух дочерей и имеет 4 внуков.

Награждена знаком «Отличник химической промышленности» и медалью «Ветеран труда»

Юмаева Фания Ахмеджановна

Все для фронта!

1941 год. В этом году Фании исполнилось 8 лет. Родилась она в семье служащего, в селе Альменово Курганской области. Село большое, районный центр, зажиточное, жили рядом дружно и русские, и татары. Отец - Юмаев Ахмеджан Ахмедович - работал директором большого Промкомбината, где шили военную одежду для армии. В большой и дружной семье было 5 детей: старшему брату Фахиму 15 лет, Джиганша 13 лет, сестре Рае 11 лет, сестре Фатиме 5 лет.

22 июня 1941 года все село с утра было занято подготовкой к празднику, посвященному окончанию посева под названием Сабантуй. Это важный праздник для мусульман и отмечают его широко и с размахом: с утра режут баранов, разводят костры в специально

отведенных местах в лесу, в казанах варят бешбармак. В этот день молодежь организует состязания на бревнах, в скачках с бараном, лазанию по столбу.

Беды ничего не предвещало.

К вечеру этого дня, когда жители собирались расходиться по домам, вдруг в лесу разнеслось: «Война, война».

Сначала стояла мертвая тишина, потом началась суэта, и со стоном, плачем и причитаниями люди кинулись в село. К вечеру этого дня мужчин собрали в военкомате и объявили мобилизацию. Отец тоже пошел в военкомат, но на фронт его не взяли, ему была выдана бронь. На второй день село опустело, всех мужчин отправили на машинах на сборный пункт, остались дети, женщины и старики. Отцу Фани Министерством заготовок, кроме руководства Промкомбинатом, было поручено осуществлять сбор продовольствия для фронта. Все для фронта!

Ежедневно каждый двор должен был сдавать молоко, яйцо, мясо и другие продукты в соответствии с установленной нормой. Если мяса не было для сдачи - его иногда приходилось покупать. В селе не проходили военные действия, но начался голод. Семье Фании было особенно трудно: все селяне в голоде обвиняли отца Фании, а голодали они так же, как все остальные жители, спасала только картошка и немного молока, которое оставалось после сдачи по заданию. Как и все селяне, дети собирали крапиву, лебеду, коноплю и из этого пекли лепешки, а жареная конопля стала лакомством. Летом - все в лесу. Чтобы выжить зимой, активно шел сбор грибов и ягод. С огорода собирали и потом сушили

свеклу и морковь, как заварку к чаю. Младший брат Джиганша рано научился охотиться, и это стало серьезным подспорьем для семьи. Отца дома видели мало, мать, как и все, работала в колхозе допоздна.

1 сентября 1941 года дети пошли в школу. Фания - в первый класс. Школа большая и в ней было тепло (рядом лес и дрова были), тетрадей нет - писали на газетах между строк, на класс - одна керосиновая лампа.

Мужчин в селе не было, все работы легли на хрупкие плечи женщин и детей постарше: заготовка леса, все полевые работы, покосы и заготовка сена. Пахали на коровах (трактора в селе имелись, но горючего не было). Одежды тоже не было, обувь носили в семьях по очереди, как и Фания с сестрой - одни валенки на двоих. А весной, когда снег еще только начинал подтаивать, дети уже бегали босиком. С 8 лет дети должны были собирать колоски на полях, сдавать в колхоз. А также по дворам собирать птичий помет для колхоза.

В 1943 году родилась сестренка - и у Фании прибавилось забот по дому. Старших девочек, которым исполнилось 18 лет, привлекали на работы в прифронтовые зоны: они стирали белье и бинты, обслуживали раненых, работали на кухне и выполняли другие работы. Когда родственнице Рае исполнилось 18 лет, ее тоже отправили на эти работы. Брат Рахим к своим 15 годам прибавил год и с другом ушел добровольцем на фронт. Прошел всю войну, вернулся с наградами. Самым страшное для селян было, когда почтальон вместо долгожданного письма вручал

женщинам похоронку, а было это нередко - и тогда-то с одного, то с другого конца села неслись стоны и плач.

После окончания школы Фания работала в прокуратуре машинисткой, в 1955 году вышла замуж за кировчанина и вскоре переехала на Север в Кировск. Работала в Водоканале лаборантом. За трудовые заслуги Фания Ахмеджанова награждена медалью «Ветеран труда», ей было присвоено звание ударника коммунистического труда. С 2002 года находится на заслуженном отдыхе, вырастила сына и дочь, а потом помогла воспитывать внуков – их у нее четверо и правнуков – тоже четверо.

Насонова Ольга Васильевна

«В детстве у меня не было детства» (М.Горький)

О себе я могу вспомнить только с возраста 5-6 лет. Помню, что жили мы на хуторе (названия не помню) в Архангельской области в бедности и голоде. В доме не было мебели, спали на полу, а вместо посуды использовали черепки и старые горшки. На хуторе было всего 8 домов, ни магазина, ни связи с городом, ни электричества. Кроме меня, у моих родителей было еще четверо, двое постарше, я – средняя по возрасту. Двое старших ходили в школу за 5 километров, а на мне было все хозяйство, когда родители уходили на работу, да еще и присмотр за младшими детьми.

В 6 лет я должна была принести 10 ведер воды, подмести и вымыть домишко, присмотреть за младшими, приготовить лучину для вечера, да еще и скотину накормить. Я вспоминаю Золушку из сказки, которой так же, как и мне, давали задание на день. Ни одной минутки у меня не было свободной, а если я не успела что-то сделать, то отец меня строго наказывал.

Вечером отец при свете лучины плел лапти, а мама

сидела за прялкой. Разрешили мне ходить в школу только до 4-х классов, так как в этот год умерла моя мамочка и учиться мне больше не довелось, хотя я очень любила ходить в школу. Стала я в 10-11 лет настоящей хозяйкой в доме: ведь нужно хлеб испечь для всей семьи, и корову подоить, и овец накормить, да еще в доме были куры и поросенок! Отец будил меня в 5 часов утра, чтобы затопить печь, нагреть воду, накормить скотину и дров напилить.

Старшему брату отец разрешил учиться, Ваня уехал в город Вельск, там закончил школу, а потом стал учителем. Сестра уехала учиться на курсы трактористов, а я опять занимаюсь непосильным трудом по дому, да еще рослую девочку 13 лет заставляли работать в колхозе. Я и плугом пахала, боронила, работала на сенокосе и молотье как взрослая.

Быстро выросли дети во время войны, на хуторе оставались только женщины и дети. К тому же посылали еще и на лесозаготовки по очереди от каждой семьи. Меня в 15 лет послали за 50 километров от дома пилить дрова, а в напарницы мне дали взрослую женщину, которая не смотрела на мой возраст и покрикивала на меня, если я от усталости хотела отдохнуть. Хорошо, что отец спас меня от истощения и отхлопотал меня домой.

А дома мачеха появилась за время моего отсутствия, к тому же она ждала ребенка, и ей было трудно справляться с нашим большим хозяйством. Опять домашнее хозяйство легло на мои плечи, так как женщина не выдержала трудной работы и ушла из нашего дома, прихватив одежду моей любимой мамы. Впоследствии она родила мальчика, нашего брата.

Впряглась я опять в работу по дому и уходу за скотиной, опять у меня нет ни минутки отдыха... Приходит очередь посылать кого-то на лесозаготовки от нашего хутора. Опять посылают меня в Архангельск на деревообрабатывающий завод, который работал круглосуточно. Но случилась беда: в мою смену перегорел мотор, а раньше могли за такое дело посадить в тюрьму. Вот мы и решили со своей подружкой бежать тайно с работы, незаметно пробраться на пароход, отходящий от причала. Спрятались за большой паровой трубой, но нас заметили и высадили на берег. Что делать? Решили мы отправиться домой пешком, а идти-то нужно не одну неделю. Хорошо, что дело было летом, мы помогали в деревнях работать на огороде, и сердобольные люди кормили нас и даже дали хлеба на дорогу.

Недели через две добрались до дома, а там нас ждет сообщение, что нас нужно наказать за самовольную отлучку. Подружка была совершеннолетней – пришлось ей идти в тюрьму, а меня по молодости лет пожалели и отправили в город Хибиногорск на принудительную работу разнорабочей на Опытном заводе (тогда мне было 15 лет). Опять не повезло: украли мою рабочую карточку в общежитии! Директор Селезнев быстро перевел меня на другую работу в Кандалакшу, где мне и выдали хлебные талоны, что спасло меня от голода.

Опять живу в общежитии без родных, переживаю тяготы войны, да еще и бомбежки с воздуха случались. Все работают для фронта, и я в свои 15 лет работаю наравне со взрослыми по погрузке и разгрузке вагонов, и мне дают взрослую хлебную карточку. В работе опять

мне не делают поблажки на мой возраст, ведь мне пришлось рано повзрослеть.

Выучилась я работать на прицепном грейдере в 16 лет, и тогда меня послали, как специалиста, работать на станцию Лоухи. Там я и встретила окончание войны и прожила до 1951 года. В этом году получила вызов в город Кировск для работы в автотранспортном цехе. Только здесь я впервые получила Трудовую книжку с записью: рабочая дробильной установки.

Вредный цех и пыль сделали за многие годы свое дело: грыжа, больная печень, выпадение зубов, удаление желчного пузыря... С такими «подарками» и вышла на пенсию.

Теперь нужно внуков поднимать, отдыхать некогда. Ведь сына и дочь я воспитывала одна (муж умер в возрасте 44 лет). Теперь помогаю растить внуков, а они меня радуют!

Иногда вспоминаю свою трудную жизнь, ведь в ней мало было радости, только непосильная работа и забота. Но унывать все же не хочу! Очень тянусь к общению с хорошими людьми, которые объединены в Хибинское общество «Мемориал». Здесь меня встретили, приветили, и это общение с хорошими людьми помогает мне жить и преодолевать жизненные трудности. На досуге сочиняю частушки на местную тематику и с удовольствием исполняю их на праздниках, которых так было мало в моей жизни. Спасибо моим товарищам, которые тоже многое пережили, понимают и не обижают меня!

Быкова Софья Яковлевна

Безрадостное детство

В марте 1930 года семью моих родителей Дониных раскулачили и отправили из Астраханской области в Мурманскую. Родилась я в дороге, и мама с новорожденной должна была сесть на пароход для дальнейшего следования в неизвестность. На пароходе ехали несколько недель, а новорожденную не во что завернуть. Несколько женщин сняли нижние юбки и пожертвовали их на пелёнки. На море шторм, дождь со снегом. Маме освободили место у трубы парохода на открытой палубе. Прижавшись к теплой трубе, мама согревала меня под телогрейкой своим телом.

Полуголодные люди умирали. Как только появлялся покойник – появлялись и акулы. Они не давали плыть пароходу, преграждая путь и стучась о борт. Люди прятали своих умерших родственников, но при появлении акул команда догадывалась об этом и начинала поиски. Мертвецов выбрасывали за борт. Акулы отступали, и пароход мог продолжать плавание.

На пароходе питались сухарями, что обернулось для моей мамы болезнью желудка на все последующие годы. Высадили спецпереселенцев в Териберке, где поселили в бараках и задействовали в ловле рыбы.

Опытные в ловле спецпереселенцы применяли кошельковый лов, что до них не применяли, и этот метод стал ведущим в Мурманской области.

В 1937 году отца арестовали по навету, и мама одна поднимала троих малых детей, работая в сетевязальной мастерской. Мне было семь лет, но я уже помогала маме в работе, обвязывая сеть «куклу». Сеть тонкая, ячей мелкая, работа трудная и однообразная для 7-летней девочки. Мне хотелось бросить работу и убежать, но я не могла послушаться маму.

В 1939 году началась война с Финляндией, и всех переселенцев вывезли в Дальние Зеленцы, а потом в Африканду.

В первые же дни войны Африканду бомбили в связи с близостью железной дороги и военного аэродрома. Женщин и детей повезли в эвакуацию, где по дороге в Волховстрой наш эшелон подвергся бомбёжке. До Татарской АССР мы ехали более двух недель. Это были дни голода и дорожных мытарств. Потом на многие годы осталась боязнь летящих самолётов.

В деревне Каразерек отнеслись к переселенцам хорошо. Каждой семье был выделен огород. В обмен на вещи наша семья купила козу и обзавелась своим хозяйством, завела кур и получила просо и гречиху на мамины трудодни. С местными жителями разговаривали языком жестов, а переводчиком был мой брат Шурик, который быстро выучил татарский язык.

Печки в татарских домах были сложены на манер русских печей, только без лежанки, а «чело» ниже, чем в русских печах. Сбоку был вмазан котёл, в котором варили еду, а в печке пекли хлеб и пироги. Татарские семьи подружились с русскими семьями, и при расставании в 1944 году мы слышали много добрых слов. До сих пор я вспоминаю этих людей с теплотой и благодарностью.

После эвакуации поселились в Титане. Хлеба на 7 человек мы получали 3 кг 300 грамм. Каждый день я получала в столовой один обед и делила его на 5 человек. Все время хотелось есть, все время ощущали голод. Выручил табак-самосад, который мы привезли из Татарии. Табак мы выменяли на овес и отруби. Из овса варили кисель, а из отрубей пекли лепешки. В школе выдавали 100 грамм хлеба и чайную ложку сахарного песка на завтрак. Так и выживали.

Об арестованном отце мы узнали только в 1957 году. Он умер в заключении в мае 1945 года. В том же году мы получили свидетельство о его реабилитации. Мы выросли без отца, невинно арестованного, что грустно и обидно. Остался он в моей памяти добрым и ласковым, красивым и умным.

Мама была неграмотна, но мечтала, чтобы все дети получили образование. Мой брат Саша окончил Ленинградский медицинский институт и работал долгое время вместе с женой в Апатитской городской больнице. Моя сестра Люба работала делопроизводителем в совхозе «Заполярье», я же много лет проработала продавцом в обувном магазине Кировска

заведующей отделом, награждена знаком «Отличник социалистического соревнования».

Вот и жизнь прошла – трудная, но честная и достойная. Я всегда помогала родственникам, заботилась о старенькой маме, воспитывала внуков. У меня хорошие дочери и внимательные внуки. Но с чувством горести я вспоминаю свое безрадостное детство...

Зайцева Мария Гавриловна

Дети шалманов

Родилась я в деревне Захарово Вологодской области четвертым ребенком в семье крестьян-тружеников. Семью репрессировали летом 1931 года в год массовой коллективизации в количестве 10 человек. Всех привезли в Котлас, погрузили вместе с другими выселенными страдальцами на небольшой пароход, чтобы доехать до железной дороги. На пароходе у всех стали отбирать документы и увидели, что мой отец был инвалидом войны 1914 года и его семью не должны были репрессировать. Комендант долго думал, что делать, если семья уже на пароходе, и решил: «Пусть едут со всеми по назначению».

Так и оказались мы в товарном пультмановском вагоне поезда, который ехал в северном направлении. Мне было 7 лет, но я хорошо помню, что всю длинную дорогу я просидела у маленького зарешеченного

окошечка, а на остановках никого не выпускали. На полу вагона была проделана дыра для сливания нечистот. Все пользовались одним помойным ведром вне зависимости от половой принадлежности.

Мама была беременная (на сносях), и поэтому очень тяжело переносила духоту и скученность. Родила она сразу по прибытии на станцию Хибины, где нам пришлось целую неделю жить под открытым небом. Моя сестра Оля родилась под елкой. Помню, что около роженицы хлопотали женщины и прикрывали ее пологом.

Через неделю нас повезли к шалманам, откуда успели выселить заключенных, которых раньше называли «услонцами».

Новорожденную девочку поселили вместе со всеми на нарах, где все спали вповалку: мужчины, женщины, дети. Нашей семье разрешили сделать полог для кормления новорожденной. Эту клетчатую материю семья, не привыкшая ничего выбрасывать, хранит до сегодняшнего времени.

Шалман – это длинное сооружение, покрытое со всех сторон толем. Он не удерживает тепло, поэтому все мерзли зимой, хотя круглосуточно топили печку-буржуйку.

Трудно расти детям в такой тесноте и скученности, они болели и умирали без лекарств и нормального питания. Но моя сестренка Оля все же выжила, хотя и отставала в развитии и болела рахитом. Ходить она начала только в два года, а ноги выпрямились только в семилетнем возрасте.

Через некоторое время семье дали комнату 8 метров в бараке (Хибиногорская, 20) на 10 человек, такое жилье показалось нам дворцом.

Учились мы все в двухэтажном деревянном здании на улице Новой, а позднее уже в каменном здании школы № 11.

1933 год был особенно голодным, поэтому мы, все четыре сестры, стояли с протянутой рукой у хлебного магазина, где отоваривались вольнонаемные и просили добавки (довески) к хлебному пайку. Больше всех довесков доставалось маленькой Оле, и мы делили всю добытую милостыню поровну.

Сестры Зайцевы с мамой и братом, 1951 год

Мама работала санитаркой в больнице, а отец, инвалид войны, - сапожником в артели «Заполярный артельщик». По вечерам отец чинил обувь соседям по бараку почти бесплатно. За эту работу ему давали кусочки хлеба, что помогло нам не умереть с голоду в этот голодный год.

В 1937 мама надумала тайно поехать на родину, чтобы восстановить отобранные на пароходе свидетельства на детей. Приехала уже через три дня, но кто-то доложил об ее отсутствии начальству, и поэтому ее посадили до суда в комендатуру.

За самовольную отлучку в те времена судили очень строго, и ей пригрозили расстрелом. Мама сказала: «Расстреливайте вместе с детьми». Когда мы трое пришли навестить маму, то помню, что солдат направил в нашу сторону винтовку, сказав, что будет нас расстреливать. Выстрела не последовало, но я до сих пор помню эту минуту ужаса. Не знаю, было ли это методом устрашения или все было всерьез.

Прибежал главврач больницы, где работала мама, и отпросил свою хорошую работницу-санитарку в больницу: началась эпидемия сыпного тифа, а рабочих рук не хватало. До сих пор помню имя нашего спасителя. Звали его Григорий Васильевич.

Началась война. Две мои старшие сестры уже получили учительскую специальность и работали по направлению, а мы – трое младших с родителями - были вывезены в эвакуацию в Татарию. Отец имел слабое здоровье и не был призван на фронт в связи с ранением. Умер он в возрасте 45 лет в эвакуации.

Возвратились мы в Кировск только в 1946 году. Мама опять пошла работать санитаркой в больницу (ее очень ценили на работе), а мы стали доучиваться в школе и получать специальность.

Сестра Оля, родившаяся под елкой на станции Хибины, стала учителем и проработала в школах города Кировска 40 лет. Моя профессия была связана с общепитом, в этой сфере я проработала до выхода на заслуженный отдых.

Жизнь была тяжелой. Когда вспоминаю о своих родителях, сестрах, брате, которых уже нет, то с трудом сдерживаю слезы. Ведь я живу одиноко и борюсь одна со своими болезнями. Все родственники уже далече...

Зайцева Ольга Гавриловна (1932-2003 год)

Слово о моем друге

Семью Ольги Гавриловны привезли на Север из Вологодской области в 1931 году. Мать была беременна на день раскулачивания, и ей пришлось пережить все тяготы длинного пути в товарном вагоне поезда при духоте и скученности. Родилась Оля сразу по высадке из вагона под елкой, женщина-повитуха хлопотала, чтобы у роженицы была чистая пеленка, а сердобольные женщины принесли в кастрюльке откуда-то теплую воду. Росла Оля в шалмане, где не было условий для нормального развития маленького ребенка. Родители уходили на работу на целый день, а ее оставляли на попечение двух маленьких сестричек, которые засовывали ей в рот корочку хлеба, завернутую в тряпочку. Эта корочка хлеба спасла жизнь.

Работала Ольга Гавриловна с 17 лет. Сначала медицинской сестрой, а потом закончила заочно Педагогический институт в Петрозаводске и проработала в школе сорок лет. Добавлю, что когда

Ольга Гавриловна приезжала на сессию в Петрозаводск, то привозила мне от мамы кулечек конфет-подушечек, которые слипались по дороге, но не было ничего вкуснее этих слипшихся кусочков. Переживала она, что не удалось ей в шалмане вырасти высокой да стройной, но зато она умела выслушать человека, помочь в трудной ситуации. Голодной студентке в Петрозаводске она покупала на свои скудные учительские деньги кой-какую одежонку, хотя я не была ей родственницей. Просто наши семьи везли из Вологодской области в одной телеге, а потом в одном телячьем вагоне. Это сроднило наши семьи на долгие годы...

Работа – это и дом, и семья, и общение, так сложилась Судьба, лишившая эту замечательную женщину многих земных радостей. Последние годы работала Ольга Гавриловна в школе № 5 в группе продленного дня с младшими школьниками. Была их второй «мамой», о каждом ребенке говорила с любовью, окружала своих малышей заботой и вниманием. Она помогала людям и словом, и делом, поэтому к ней тянулись люди. До сих пор вспоминают ученики свою учительницу, человека большой души, девочку, родившуюся под елкой.

Малыгина З.Я.

Ежова (Тимофеева) Галина Дмитриевна

Память сердца

Я, Тимофеева (Ежова) Галина Дмитриевна, и брат мой, Ежов Юрий Дмитриевич, - двойняшки – родились 27 февраля 1937 года в Кировске Мурманской области. Брат умер в 2000-м году от рака легких – много курил, начал курить с 7 лет.

Родители наши спецпереселенцы, высланы из родных мест: папа, Дмитрий Яковлевич Ежов, 1910 года рождения, - из села Каратабан Еткульского района Челябинской области, мама, Ежова Федосья Ананьевна (в девичестве - Лазарева), 1913 года рождения, - из деревни Аполье Пушкиногорского района Псковской области.

Папа с мамой были не расписаны, так как спецпереселенцам запрещалось изменять свои персонально-учетные данные (имя, отчество, фамилию). Запрещалось усыновлять детей спецпереселенцев. Не

поощрялись браки с вольными. А к моменту нашего рождения мама была восстановлена как ударница в 1936 году. Мы были записаны на папу. А расписались они 14 июня 1951 года.

Папина мама умерла, оставив папиному отцу 6 детей. Он женился на другой, которая привела к нему в дом своих 6 детей. От их совместной жизни родилось еще пятеро. Так случилось, что из этой большой семьи нашего папу выгнали из дома в 7 лет. Папа побирался, пас чей-нибудь скот, перебивался случайными заработками и ночевал, где придется. Как потом оказалось, отец переписал на папу все имущество, в том числе и мясную лавку. Папу, как владельца мясной лавки, в 1930 году раскулачили и выслали в Хибинь, хотя в то время уже не было ни мясной лавки, ни дедушки.

В 1935 году в тресте «Апатит», как и по всей стране, шло стахановское движение. Папа тоже стал стахановцем и был награжден в 1936 году комнатой 10 квадратных метров в новом каменном доме, Индустриальная, 3 (теперь - Ленина, 13). Так что мы с братом родились уже в благоприятных условиях.

Мамин отец Лазарев Ананий Лазаревич родился в 1873 году, мамина мама Лазарева Евгения Григорьевна родилась в 1876 году. Староверы.

Дедушка за всю жизнь ни капли не выпил спиртного и никогда не курил. Был крепкий. И очень хороший плотник. Построил себе новый дом, помогал строить дома всем в деревне. Одним словом - труженик. Когда в деревню въехали подводы, чтобы вывезти

«кулаков», постучались в первую избу и спросили: «Где у вас кулаки?», им ответили: «Видите - новый дом!».

А дом их стоял в центре деревни. Жили в этом доме дедушка, бабушка, их дети, бабушкин брат с семьей, двоюродные братья и сестры. Всего жило 17 человек. Бабушкин брат был очень больной. Стащили его с кровати, положили на телегу, а когда привезли в Кировск, то он вскоре умер.

Рядом с домом дедушки и бабушки жил сосед с женой, выпивал и играл на гармошке. Крыша их избы покосилась. Когда мы с мамой приехали летом 1950 года (маме очень хотелось увидеть свою деревню), дома дедушкиного уже не было. Нам сказали, что этот дом сожгли через год. А сосед все так же выпивал и играл на гармошке, а край крыши их избы одной стороной врос в землю.

Жители деревни, увидев маму в красивом платье из штапеля, удивились: «Ты еще жива? А мы думали, что вы все уже умерли!».

На новом месте дедушка, бабушка и моя мама (ей было 18 лет) принимали участие в строительстве города. За ударную работу маму в 1936 году восстановили в правах (раскулаченные не имели права голоса).

Когда началась война, маму с нами (двойняшками) эвакуировали в Архангельскую область. Мамины родители тоже с нами поехали. Папу на фронт не взяли, как раскулаченного. В войну он работал на фосфорном заводе и два раза горел. В эвакуации был страшный голод. Спасая от голодной смерти внуков, отдавая им всю еду, в 1942 году умирают дедушка и бабушка. В конце 1944 года за нами приехал папа и увез нас в

Кировск. Мы с братом от истощения не стояли на ногах. Поэтому нас определили в детский санаторий, который находился на 20-м километре (сейчас это Олимпийская улица). В санатории мы впервые увидели цветные карандаши. Что мы рисовали - не помню, а помню, что карандаши были из некрашеного дерева.

1 сентября 1945 года мы с братом пошли в первый класс. Нам было по восемь с половиной лет, но мы не знали ни одной буквы, так как мама научилась читать в ликбезе, а у папы было 2-3 класса, и они сами не очень хорошо читали. Первая наша учительница - Ольга Томасовна Кемпи. Она быстро научила нас читать.

Учебники выдавали бесплатно, но так как на всех не хватало, нам с братом давали один учебник на двоих. Учились мы в 1-й средней школе с 1-го по 10-й класс, а в 1-4 классах даже сидели на одной парте.

После окончания школы в 1955 году я закончила библиотечные курсы в Мурманске, но по направлению была не востребована. В декабре 1956 года я начала работать в Снежно-метеорологической службе комбината «Апатит», а в 1958-м поступила на заочное отделение ЛГИ (геофизические методы поиска и разведки полезных ископаемых.) В 1964 году после академического отпуска я продолжила учебу на вечернем факультете ЛГИ в Кировске по специальности «Обогащение полезных ископаемых» и, в связи с этим, в 1966 году перешла работать в Центральную лабораторию комбината. Окончила институт инженером-технологом в 1986 году. С 1982 года до ухода на пенсию в 1988 году работала в отделе управления качеством продукции комбината.

Тимофеев Василий Григорьевич

«Все мы родом из детства» (Сент-Экзюпери)

Я, Тимофеев Василий Григорьевич, родился в 1932 году в г. Хибиногорске (с 1934г. - г. Кировск) Мурманского округа Ленинградской области в семье спецпереселенца. В 1938г. Мурманский округ преобразован в область.

Мой отец (я всегда называл его тятей) Григорий Яковлевич Тимофеев, 1886 года рождения, и мамушка Елена Николаевна Тимофеева (в девичестве Андрианова), 1890 года рождения - крестьяне деревни Базарова Горка Боровичского уезда Новгородской губернии.

Во времена НЭПа тятя скупал в своей округе у крестьян скот, предназначенный к продаже, и перегонял образовавшееся стадо перекупщикам. Дело рисковое, бывал и в убытке, но к 1931 году смог накопить денег и построить дом (где они ютились до того, не знаю, возможно, и о доме речи не было). Как торговец (а для чего же НЭП выдумали большевики?) он был лишен

избирательных прав, и летом, может быть в конце июня 1931 года, семья была выслана на место будущего города Хибиногорска.

В момент выселения тятя был в отъезде, и мамушке одной, уже беременной мной, с четырьмя детьми 2-х, 5, 8 и 12 лет пришлось принимать немислимые решения: что взять из домашних вещей с такими помощниками. Были погружены на телегу: завернутая в тряпье головка швейной машинки «Зингер» (станок закопали в сарае, чтобы не попал на глаза жадным до чужого), самовар, духовой утюг, чугунок, деревянные ложки, подушки и, конечно, две иконки в киотах. И вот, уже под конвоем, до станции г. Боровичи (10 верст), а дальше, как и других, пригнанных из других деревень, погрузили в «телятники» с двухэтажными нарами и где-то под потолком крошечными окошками, с ведром-парашей для нужды, не разбирая ни пола, ни возраста. В этих скотских условиях с остановками для опорожнения параша, а, может быть, удастся и водой разжиться, все так же под конвоем ехали к месту назначения.

Как и некоторым другие, родился я в шалмане (в нем тогда располагалось родильное отделение), до зимы 1932-1933гг. жил в палатке, потом - в сборно-щитовом бараке (чтоб не резало слух, было постановлено называть бараки домами) на Хибиногорском шоссе, сначала в доме № 16, а вскоре - в доме № 17. Десятый ребенок в семье - я мог и не родиться. Был случай: врача, который должен был сделать ей аборт, куда-то надолго отозвали, и она передумала - соскочила с операционного стола и ушла: «Была не была - рожу десятого». Так была решена моя судьба.

Конечно, я не могу помнить о жизни в палатке. Вся тяжесть сохранения меня зимой легла на мамушку. Трудно представить, но она сохранила меня, примотав к своему телу. А ведь на ее руках и остальные трое - Таиса, Сережа и Леша.

Помню я себя уже в бараке. Мне не было еще двух лет. Мамушка кормила меня грудью до двух лет (врачи в консультации ругали, что так долго), и я, бывало, находил ее у соседей по ее громкому голосу, который был слышен на коридоре. Найдя, я тащил ее за юбку домой.

Помню обрешеченные дранкой стены комнаты в бараке. Значит, заселяли в неоштукатуренные комнаты. А лестничные клетки были оштукатурены много позже.

Помню, как заболел и умер в феврале 1936 года от непосильной жизни брат Леша, учившийся на последнем курсе фельдшерско-акушерского училища. Летом того же года приехал старший брат Саня.

Помню, как носила меня мамушка в баню «на закуклах», привязав к спине большой шерстяной шалью. Помню пни от бывшего леса между нашим бараком и больницей. А уж в четыре, летом 1936 года, мы с соседским пацаном лет шести ползали по чужим грядкам за турнепсом (конечно – его инициатива).

В пять я уже научился читать и пытался в компании ликбеза учить читать нашу соседку по бараку тетю Полю Иванову (хотя у них и свои дети были уже школьниками).

Как младший при старших я рано научился не только читать, но и писать и хотел идти в школу, когда мне было только шесть лет. Но до войны в школу

принимали с восьми лет, и меня не взяли. С трудом устроили на следующий 1939 год. Учился я в школе №9, которая находилась на Новой улице. Учился хорошо и даже был премирован цветными карандашами, тетрадью для рисования и детскими игральными картами с «Петрушкой». Любил рисовать, и первой цветной картинкой, которую я нарисовал на уроке, был гриб-подосиновик. Получилось, как помню, правдоподобно. Большие требования были к каллиграфии и чистописанию. Особенно в первом классе. Писали очень крупными буквами прописи, с нажимом. С облегчением и гордостью (растем!) переходили на меньшие по размерам буквы. Писали мы ручками-«вставочками» - круглыми крашеными деревянными палочками с жестяной обоймой для вставки стального перышка, в первом классе обязательно № 86. Потом разрешали и другими, но никогда «рондо». Макали в чернильницы-непроливайки, которые стояли на каждой парте в специальных углублениях

Так как пропаганда в СССР была на высоком уровне, то даже дети были в курсе событий не только в своей стране, но и за рубежом.

И вот – война! Братьев, Саню и Сережу, взяли в армию. 26 июня первый немецкий самолет пролетает над нашим баракком. 28 июня бомбили фабрику и железнодорожный вокзал. Во второй половине августа нас, тятю, мамушку, Таису и меня, как и многих других, с вещами грузят на станции Кировск в пассажирские вагоны и везут в Кандалакшу. Нас тысячами грузят в морской пароход « Родина» и везут Белым морем в Архангельск. В глубоком полутемном чреве трюма

очень душно. К тому же меня мутит от качки, и сестра выводит меня на свежий воздух. Вокруг безбрежное море и полная беззащитность.

В Архангельске нас перегружают на речной пароход. С шатких мостков, перекинутых с парохода на пароход, падает в воду женщина с узлами. Утонула.

Пароходами эвакуированных развозят вдоль всей Северной Двины – от Архангельска до Котласа. Нас с другими кировчанами выгрузили на пристани Ягдыш, а дальше на телегах по колхозам. Нас поселяют в колхозе имени Павлина Виноградова. Колхоз не из бедных, но на первых порах приходится туго. Меняем на картошку самовар. Хлеб, как эвакуированным, продают в сельпо только первые месяц-два, а потом отказали. Сразу впрягаемся в работу. Сентябрь. Я ученик третьего класса Боровской начальной школы. Вместе с другими учениками нашего колхоза весь сентябрь собираю колоски с полей после уборки урожая. Учиться начинаем с 1 октября. Школа была в соседнем колхозе, в двух километрах от нашего дома. Взрослые на работах. Сестра Таиса в школу не пошла – зарабатывает трудодни. Разными ухищрениями родителям удается уйти от лютого голода. В еде не разборчивы, быть бы живу. И так все четыре года войны. В пятый и шестой классы приходится ходить за шесть километров в Ягдышскую среднюю школу. В школе на большой перемене давали пустые щи, помнится, даже без картошки. Но ел охотно. Учился я старательно, был среди лучших учеников. Пропустив год, сестра учится в этой же школе с восьмого по десятый. Летом я принимаю посильное участие в полевых работах в

колхозе и на своем огороде. Кроме того, хожу с ребятами в лес за грибами – заметное подспорье, особенно зимой.

И вот – Победа! Ясное, солнечное, но прохладное утро 9 мая 1945 года. Радость от окончания войны. Ждем вызов из Кировска – возможность остаться в колхозе не радует. И в то же время посадили картошку и даже посеяли ячмень. Мне поручено пропалывать и окучивать картошку. Солнце греет, спину с непривычки ломит. Я ложусь на межу и засыпаю. Проснулся от ощущения сильной прохлады. Сумрак, как после захода солнца. В тревоге рванул что было силы домой. А там соседи с понятным оживлением рассматривают через закопченное стекло солнце. Было полное затмение солнца 9 июля 1945 года.

Дождались вызова из Кировска, но РОНО не отпускает Таису, окончившую курсы учителей начальной школы в Сольвычегодске. С большим трудом удастся уехать всем. Не запомнился мне красавец-пароход «Гоголь», на котором мы плыли от Ягрыша до Котласа, но довольно запомнились мытарства на железной дороге от Котласа до Кировска с пересадкой в Коноше. Ехали в тамбурах, на переходах между вагонами и, временами, на подножках вагонов. И это с пересадками, с узлами и чемоданами. Самые отчаянные устраивались на крышах вагонов. А мне все время хотелось есть.

Наконец, Апатиты. Почти дома. От Апатитов до Кировска добираемся в товарном вагоне с открытыми дверями.

Поселяемся в той же комнате дома № 17 на Хибшоссе, с той же обстановкой: деревянные односпальные кровати без матрацев, столешница на «козлах», сундук, три табуретки и скамеечка. Вскоре после приезда кончились продукты, взятые в дорогу на первое время. Живем тем, что дают по карточкам. Голодно. Хуже, чем в эвакуации. Тятя – сторож, мамушка на поденке, на очистке железнодорожных путей от снега. Я хожу в школу № 1 в седьмой класс. Опоздав к началу учебного года и имея слабую для требований этой школы подготовку, вынужден, как и некоторые другие сельские, идти снова в шестой класс.

Окончив 7 класс, поступил в Кировский горно-химический техникум, который благополучно окончил в мае 1951 года техником-разведчиком. С 18 июня – коллектор рудника им. С.М. Кирова. По состоянию здоровья меня переводят в Расвумчоррскую геологоразведочную партию Геологоразведочного управления комбината «Апатит» на должность старшего коллектора, Фактически работаю наблюдателем-гидрогеологом в Апатитовом цирке. В сырую и холодную осень-зиму 1951 года заболел радикулитом. Призывной медкомиссией был признан нестроевым, и в армии не служил. А потом - геологическая разведка месторождения «Плато Расвумчорр». Буровым работам на плато предшествовали подготовительные работы. Полгода мне с товарищем по работе пришлось учитывать грузы, поднимаемые заключенными вручную от подножья на гору. Это - детали буровых вышек и домов для работников геологоразведочной партии. А потом – описание кернов буровых скважин:

предварительные – на буровых вышках, и детальные в кернохранилище Скважины бурились одновременно и на плато, и в Раслакском цирке, поэтому приходилось в один день быть и на горе, и в долине, особенно в день закрытия нарядов. Это была работа. Была ли романтика? Была. Но она была тихая, затаенная. Восхищали в кернах приконтактные (рудного тела с покрывающими породами) крупнокристаллические скопления эвдиалита, нефелина, полевого шпата, пластинчатого сфена, шпириты титаномагнетита. К сожалению, из-за незнания приходилось гадать над так называемыми акцессорными (второстепенными) минералами. Привычка детства к бурям, будничность так называемой плохой погоды было для меня нормой. Это свежему человеку с «югов» или средней полосы штормовая погода навевала ужас или поэтические строки. По весне с товарищем лихо спускались домой, скользя в сапогах, опираясь на палки, по сохранившемуся в ложбинах снегу либо в Апатитовый цирк, либо цирк над Парковой улицей, где были потом устроены трамплины и подъемники для горно-лыжников.

После сокращения штатов геологов на плато в 1957 году перехожу в Снежно-метеорологическую службу (СМС) комбината «Апатит». Вначале было грустно смотреть вместо камней на снег. Но в снеге тоже своя поэзия. И я снова на плато, но уже в качестве техника-снежника. Занимался я снегосъемками в паре с "Ежиком" - Ежовой Галиной Дмитриевной, которая пришла в СМУ после школы и библиотечных курсов

В 1957 году она поступила в СЗПИ (Северо-западный заочный политехнический институт - в

Кировске был учебно-консультационный пункт) и успешно училась по специальности «Геофизические методы разведки полезных ископаемых».

Можно сказать, я сразу в нее влюбился, глядя на ее грустный, задумчивый вид (она такого не помнит - грустить не в ее натуре), и уже через пару недель готов был сделать ей предложение. Две недели растянулись на два года. Несчастный студент-заочник забросил учебу. 3 октября 1959 года мы расписались. Молодой жене из каменного дома пришлось идти в барачный неуют. А потом «командировки» молодожена на метеостанцию Юкспорт и муки ревности.

В 1960 году у нас родился первенец Гриша. Вскоре нам дают комнату на улице Кирова. А работа в Кировске. Перебиваясь у ее родителей на проспекте Ленина, меняем 16 квадратных Кирова на 10 Парковой. Близко к работе и к ее родителям. Потом были еще переезды и обмены.

После окончания института в 1968 году ее переводят инженером на технологические исследования, а затем и промышленные испытания экспериментального оборудования (флотомашин «Апатит») на АНОФ-2. Позднее, после рождения второго ребенка в 1971 году, ее переводят в отдел управления качеством ПО «Апатит».

Проработав 30 лет в «Апатите», Галина Дмитриевна имеет много благодарностей за добросовестный, безупречный труд.

Школяры-47год

Я же по выходу на пенсию в 1992 году засел за мемуары, чтобы оставить след о делах минувших.

1999 год – «Мое открытие Расвумчорра» по истории разведки апатито-нефелиновых руд Расвумчорра.

2004 год - «История моей семьи» о судьбе спецпереселенцев.

2005 год – «Наша альма-матер» - история Кировского горно-химического техникума.

2007 год – «Герои нашего времени» - о трудовых подвигах кировчан.

За книги по истории города в 2008 году мне присвоено звание «Почетный гражданин Кировска».

Мы с Галиной Дмитриевной – два в одном. В честь 50-летия совместной жизни 8 июля 2010 года нас наградили медалью «За любовь и верность».

Храмова (Киселева) Лариса Александровна

Незабываемые имена

Мои родители Киселевы Александр Александрович и Ирина Ивановна, уроженцы Ленинградской области, Тихвинского района. В 1931 году раскулачили дедушку и бабушку из д. Шибенцы Тихвинского района Ленинградской области. Пащихиных Ивана Яковлевича и Прасковью Герасимовну вместе с восьмью детьми отправили в Мурманскую область на спецпоселение в поселок Кукисвумчорр. Так мои родители и их маленькие сыновья Женя и Толя (1929 и 1930 годов рождения) оказались на Севере.

Я родилась в поселке Кукисвумчорр 2 октября 1937 года. В 1941 году началась война. Мужчин отправляли на фронт, а население города Кировска эвакуировали. Братья были в пионерском лагере. Детей эвакуировали в первую очередь, и они оказались в Свердловской области. Позднее отправляли стариков, женщин с

детьми. Бабушка, мама, ее сестра Зина, племянница Нина и я оказались в п. Ново-Торьял Марийской АССР. Дедушка вместе с одной дочерью Марией остался в Кировске. Позднее мама отыскивала сыновей в Свердловске. Толя поехал с мамой, а Женя остался учиться в ремесленном училище на токаря (ему было 12 лет). В Ново-Торьяле мы жили при школе. Нам выделили комнату, т.к. мама стала работать завхозом. Толя учится в 5 классе, я - в детсаду. Помню, как к нам приехал папа. Привез свою маму, мою бабушку, мне куклу, купил козу. Пробыл недолго, уехал на фронт. В августе 1942 года родилась сестренка Светлана.

Летом 1943 года нас снова в товарных вагонах отправили на север. От станции Апатиты мы шли пешком 20 км по рельсам (электрички не ездили) Жили на Болотной улице, сменили три барака. Помню, как по железной дороге через час шли груженные составы с апатитовой рудой, по 50 вагонов в каждом. Грохот, дом дрожал. Помню, как пришла похоронка на папу. Мама очень плакала. Это был декабрь 1943 года. По интернету я узнала, что наш отец погиб 26 декабря 1943 года и похоронен в Витебской области в Белоруссии.

В 13 лет Толя начал работать подсобником в столовой фабрики «Апатит».

Во время войны все школы в городе были закрыты, в некоторых располагались госпитали. Нас водили из детсада к раненым бойцам, мы читали им стихотворения, пели песни. 1 сентября 1945 года многие школы открылись. Детей с улиц Болотной, Нагорной и других повели в семилетнюю школу № 6. Было три первых класса (1-а, 1-б, 1-в). В 1-в классе учились дети

из детского дома, дети-сироты. Среди них и моя двоюродная сестра Нина. Папа ее погиб, а мама в июне 1941 умирает при родах, родив сына Толю. Но до сих пор Нина и Толя не встретились.

Семья Киселевых, 1953 год.

Жить было трудно. Хлеб по карточкам. Мне приходилось вставать ночью, занимать очередь за хлебом. В 7 часов открывали хлебный магазин, а к 8 часам надо успеть прийти в школу. Однажды я потеряла карточки (2 класс), и семья осталась без хлеба. Мама была очень недовольна. В 1947 году отменили карточную систему. Вернулся Женя из Свердловска и начал работать токарем на фабрике. Толя поступил учиться в ФЗУ на плотника, а перед армией выучился на шофера. Братья продолжали учиться в вечерней школе. Мама работала в ателье «Заполярный артельщик» закройщицей массового цеха. Там шили рабочую одежду

для рабочих фабрики (куртки, брюки, халаты, рукавицы и т.д.) И Женя, и мама постоянно были на Доске Почета около горисполкома. Я очень гордилась, когда проходила мимо.

В школе я успешно училась, особенно любила уроки математики. Уже во втором классе я стала мечтать о профессии учителя, представляла, что буду входить в класс, как моя учительница начальных классов Елизавета Яковлевна. Хорошо помню своих учителей в средних классах Загустину Г.Ф., Орлову В.А., Каморную Г.Ф., Пельве Арно Александровича, учителя биологии.

В семилетней школе был прекрасный кабинет биологии, живой уголок. Сейчас удивляюсь, как во время войны люди могли вырастить и сохранить большие комнатные растения. А их много было в кабинете, жители подарили школе. Мы с подругами посещали юннатский кружок, кормили животных в живом уголке (кроликов, кур, морских свинок, белых крыс и даже лебедей). Корм приносили из дома. В 6 классе члены юннатского кружка были на слете в Мурманске. На обратном пути Арно Александрович и мы сошли на станции Имандра, посетили «ПОСВИР» (Полярный Всесоюзный институт растениеводства), самый северный филиал ВИРа. Позднее, будучи учителем, на уроках общей биологии, изучая генетику, учение Вавилова Н.И., я рассказывала ученикам об этой поездке, о своем прекрасном учителе Пельве Арно Александровиче. 8, 9, 10 класс я заканчивала в Кировской средней школе № 1. Вспоминаю своих учителей в старших классах Гордо С.З., Носкову А.П., Богданову М.И. и др. С нами учился Венедикт Ерофеев,

наш медалист, будущий писатель. Закончив 10 класс в 1955 году, мы с одноклассницей Вале́й Степа́новой поехали в Казань учиться дальше. Успешно сдали приемные экзамены и начали учиться в Казанском государственном педагогическом институте. Училась я хорошо, часто получала повышенную стипендию, занималась в научном кружке, посещала лыжную спортивную секцию, была комсоргом группы.

В 1959 году вышла замуж, стала Храмовой Ларисой Александровной, попала в семью педагогов. Родители мужа и муж были учителями. В 1960 году окончила институт и начала работать в Лаишевской средней школе учителем биологии и химии. Педагогический стаж в одной школе 41 год, из них 23 работала заместителем директора по учебной работе. С удовольствием вела уроки химии и биологии, готовила учеников к олимпиадам по этим предметам. Дети успешно выступали, занимали призовые места в районе и республике. В 1973 году меня назначили завучем в школе, начала работать с учителями в школе, районе, т.к. пришлось вести методическую работу. В наше кустовое методическое объединение входило 9 сельских школ. Долгие годы была членом районной аттестационной комиссии, неоднократно избиралась депутатом поселкового совета.

В результате аттестации мне была присвоена категория «Ведущий учитель», «Ведущий руководитель школы».

С 2003 года я на заслуженном отдыхе. Но связь с родной школой поддерживаю, являюсь председателем

Совета ветеранов учителей, вхожу в состав районного совета ветеранов.

Сейчас моя работа - это внимание и забота об учителях-пенсионерах. Ежегодно 5 октября, в Международный день учителя, мы проводим праздник для всех учителей города. Здесь приветствуем ветеранов-учителей со стороны администрации района, РОО, соцзащиты, дирекции школ, концерт, награждения, подарки. Более 100 учителей приходят на этот праздник. Сейчас живу с мужем (уже 53 года), есть сын, дочь, внук, правнук.

**Киселева (Щербакова)
Светлана Александровна**

Войной разбитое детство

Родилась я в эвакуации в Марийской АССР в 1942 году в селе Ново-Тарьял. Отец был арестован в 1936 году, но по прошествии 5 лет был реабилитирован и в 1941-ом отправлен на фронт. Перед отъездом ему разрешили повидаться с семьей, тогда привез он из Тихвина свою маму для проживания с нами, купил козу и куклу для своей дочки Ларисы, которой было 5 лет. Лариса помнит, как сидела у отца на коленях, а коза в голодные годы помогла нам выжить.

Бабушка умерла в эвакуации, не дождавшись сына с войны. Вернулись мы в Кировск в 1943 году, когда мне исполнился годик, уже без бабушки и

поселились на улице Болотной, дом 2. Учились в школе № 6, где обучалось много детей из детского дома. Моя сестра Лариса училась на «отлично» и мечтала быть учителем. Позднее она окончила Педагогический институт в Казани, на практике в селе познакомилась со своим будущим мужем и проработала в школе более 40 лет, преподавая ботанику и биологию.

Мама была портнихой высокого класса и одевала нас с сестрой в красивые платья, что мне запомнилось из своего детства. Отчим тоже был портным и сшил трем сестричкам одинаковые пальто. Такой одеждой мы выделялись в школе.

Мечтала я научиться играть на баяне и тут увидела объявление в газете о приеме в Вологодское культурно-просветительское училище. Собирали меня в дорогу всей семьей, а прощались мы с мамой на вокзале со слезами.

Учеба в культпросвете мне нравилась, училась я хорошо, стипендию получала 18 рублей, столько же посылала мне мама. Для этого ей приходилось после основной работы снова садиться за машинку, чтобы подзаработать денег и накопить на покупку баяна.

Мечта сбылась на 2 курсе – мне купили белый тульский баян, и я в длинном красивом платье выступаю на сцене! Все это случилось благодаря моей маме Ирине Ивановне. До сих пор храню ее письма с заботливыми, родными строками.

Помню, что на линейке в школе в день похорон Сталина в 1953 году все плакали, а слово «репрессия» нам было не знакомо. Только в этом году маминым сестрам разрешили уехать с Севера в город Сланцы Ленинградской области. А в нашей семье было уже к тому времени пятеро детей, и трудно было поменять место жительства. Так мы и остались на Севере. Но я не оставила свою мечту переехать в теплые края.

Парк Кировска, 50-ые годы

Мне повезло, когда я попала на прием к депутату в Москве. Я изложила историю о реабилитации и погибшем на фронте отце, о желании переехать с 3-летней дочерью в южные края. Дали мне жилье в городе Батуми, где был нужен культработник, но долго я там не задержалась и вместе с приятельницей перевелась на

работу в город Рустави (Грузия), что переводится «Русская голова». Основное население – русские. Там я получила квартиру и назначение руководителем балетной студии и одновременно организовала детский хор. Одно время даже работала в Доме искусств города Тбилиси на курсах повышения квалификации, где закончила факультет балльных танцев и танцев народов мира.

В настоящее время проживаю в городе Кировске в 17-летнем браке с Алексеем Щербаковым, а летом мы выезжаем в город Кисловодск, где имеем свою квартиру. Дочь Алла и трое внуков проживают в Петербурге, где мы бываем каждый год.

Принимаю участие в работе Хибинского общества «Мемориал», являюсь ведущей на праздниках, играю на баяне и вместе с мужем запеваю в ветеранском хоре.

Щербаков Алексей Прокопьевич

Украденное войной детство

Родился я в деревне Дуброво Витебской области. Отец, Щербаков Прокопий Павлович, был председателем колхоза, и семья с тремя детьми не бедствовала.

Но грянула война, и отца забрали на фронт. Вот тут и начались беды. Витебская область была занята врагом, и в соседней деревне расположилась воинская часть. Звуки авиабомб доносились каждой ночью, а на звездном небе были видны дорожки от трассирующих пуль. Немцы регулярно наведывались в нашу деревню, чтобы отобрать продукты у жителей. Приходилось закапывать продукты, оставшиеся после набегов, в землю, чтобы не умереть с голоду.

Однажды зимой несколько партизан остались заночевать в двух деревенских домах, а когда утром появилась немецкая разведка, то завязался бой. Немцы

отступили, взяв с собой раненого, но теперь нужно было ожидать расправы с жителями села.

Ожидая репрессий, все жители села покинули свои дома и по глубокому снегу добрались до соседней деревни. Ожидали зарево от сожженных домов, но этого не последовало. Решили вернуться обратно в свои дома, что стало ошибкой. У немцев были другие планы.

Утром приказали всем жителям вместе с детьми построиться в колонну. Тех, кто не вышел, расстреливали на месте. Колонну погнали на ближайшую станцию, погрузили в товарные вагоны и повезли на Запад в закованных вагонах-телятниках.

Прибыли в польский город Белосток, поселили в бараки, обнесенные колючей проволокой. Так мы оказались в концлагере, где кормили баландой. От этой пищи у всех случилось расстройство желудка, а моя маленькая двухлетняя сестренка умерла, как и другие дети. Мне же помогла смекалка – я подползал под колючую проволоку и бежал в деревню к австрийцам, просил у них хлеб и бегом бежал назад покормить маму, бабушку и вторую сестренку. Мама понимала, что я подвергался смертельной опасности, но другого выхода не было. Так в десять лет я стал кормильцем трех женщин: бежал я быстро, просил жалостливо и так спас семью от смерти.

Через год нас перевели в другой лагерь Дойчендорф, который находится около города Капфенберга в Альпах. Это красивая местность на холмах, покрытых зеленью. Среди этой красоты было построено много лагерей для гражданского населения и военнопленных.

К нам в лагерь приходили поляки, чтобы выбрать из обессиленных людей рабочую силу для сельскохозяйственных работ, но из нашей семьи им никто не понадобился.

Весной 1944 года нас опять погрузили в вагоны и повезли дальше на Запад. Оказались мы в Австрии в городе Грац, который по величине уступает лишь Вене. Город утопает в зелени, ярко светит солнце, а на платформу выходят грязные и оборванные люди, от которых все отворачиваются и показывают пальцем. Опять построили колонну и в сопровождении конвоя поселили в лагере на окраине города. Всех остригли наголо, обсыпали каким-то серым вонючим порошком и отвели в бараки на двухъярусные нары. Спали на голых досках, но от скудости пищи и скученности началась эпидемия брюшного тифа. Выживших отправляли в город Гамбург для разборки завалов после бомбежки и для земляных работ.

Заболела сестра, а я был так слаб, что даже не мог навестить ее в лазарете. Теперь уже мама пролезала под проволоку в темноте и шла просить милостыню. На ней был мундир неизвестного происхождения с блестящими пуговицами, и почему-то, глядя на этот мундир, ей охотно подавали и при этом смеялись. Истина открылась позднее. Оказывается, на пуговицах была изображена карикатура на немецкую символику. Поздно немцы разглядели этот мундир и приказали пуговицы спороть. Так мама лишилась заработка, а мне стала постоянно мерещиться еда во сне и наяву. Мне казалось ночью, что я глотаю овсяный отвар, о котором мечтал днем и ночью...

Немного повезло тогда, когда меня выбрали вместе с другими подростками возить тележку с мясной тушей. Мы становились по бокам тележки и катили ее, отталкиваясь одной ногой от земли. Рядом с тележкой шел охранник, но мы все же умудрялись отрезать ножичком маленькие кусочки мяса и прятать их за пазуху. Это было опасное и смертельное занятие, но другого выхода от голодной смерти не было. Эти лепешки из кусочков спасли нам жизнь...

Уже в мирное время взрослым человеком я посетил место пребывания моей семьи в концлагерях. Не описать чувства, которые нахлынули. Ведь у меня не было детства - оно прошло в борьбе за выживание. В Капфенберге сохранилась арка с колоколом в память о русских военнопленных. Со слезами на глазах я стоял перед ней и тогда решил записать эти воспоминания для своих потомков. Пусть никогда не будет войн! Это говорим мы, дети войны.

Лелес Antonina Вячеславовна

Вспоминаю...

Перед нами - приятная, интеллигентная женщина с нелегкой судьбой и тяжелым военным детством - Antonina Вячеславовна Лелес.

Свой рассказ она начала издалека. Родилась в семье репрессированных дедушки и бабушки по маминой линии. А была просто работающая семья, в которой честно трудились все от мала до велика. Поэтому и имели крепкое хозяйство: хороший дом, корову, кур, ухоженный огород. В это время семья, в которой выросла мама, жила в деревне Лаптево Псковской области. Однажды ночью в один из дней 1930 года в дом постучали, а затем ввалились люди, молча всю семью вытолкали из дома только в том, в чем были. Подогнали подводу и, ничего не объясняя, привезли на станцию. Отобрали все, что было нажито трудом, а точнее сказать - конфисковали, осталось только то, что было надето на детях и взрослых. Молчком погрузили в вагон. Потом

оказалось, что везли их на далекий Север. Так семья мамы очутилась в г. Хибиногорске. Расселяли людей в шалманы - наспех сколоченные из досок бараки на 13 километре. Посередине барака - одна печка «буржуйка».

*Мама, брат Юра, сестра Надя,
Таня и бабушка - Казахстан, 1942*

Народу в бараке было много, но люди смогли как-то отделить место для каждой семьи. В жилище всегда было холодно, иногда ночью волосы примерзали к дереву. От голода и холода начали умирать люди. Позже людей переселили в двухэтажные бараки - около 34 семей в каждом. Люди спокойно расселились, перезнакомились и жили дружно, хотя условия были тяжелые: две общих кухни на первом этаже и две кухни на втором. Скандалов не было, места хватало всем: и готовить, и постирать. Белье сушить вывешивали на ночь. Отойдет одна соседка от плиты, а другая приглядит за ее кастрюлей.

Папа Тони - Мельников Вячеслав Федорович - работал столяром в тресте «Апатит», мама Устинья Степановна - поваром в столовой. Вот в этой семье 25 июня 1936 года родилась дочь, которую назвали Тоней. Рядом жили дедушка с бабушкой, мамина сестра с семьей. Антонина Вячеславовна часто вспоминает свою добрую бабушку и то, какие вкусные чаи на травах она готовила - все соседи приходили к ней за заваркой. В 1939 году родилась сестра Надя, в следующем 1940 году появился брат Юра. С рождением брата маме пришлось уволиться с работы и заняться домом и семьей.

Мельникова Устинья Степановна - мама Лелес А.В.

Лето 1941 года выдалось теплым, и большую часть времени дети проводили на улице. Тоня помнит, что мама позвала детей домой накормить, и вдруг из репродуктора мужской голос сообщил, что сегодня, 22 июня, без объявления войны Германия напала на нашу Родину. В доме началась суета, все повывскакивали из комнат в коридор, стоял плач женщин и рев ничего не понявших детей. У всех один вопрос - как жить, что делать? Папу, как «врага народа», в первый день войны на фронт не взяли. Когда начали бомбить Кировск, людей стали постепенно эвакуировать. Семья Тони была эвакуирована в 1942 году в Казахстан. Везли в телятниках, было холодно. Каждой семье был отведен угол, спали на нарах вповалку, согреваясь тем, что смогли с собой взять из теплых вещей. На весь вагон была одна печка, и, конечно, людей это не согревало. Дети жались к маме, папе, бабушке и бабушке, согревая друг друга. Ехали очень долго, вагон часто загоняли в тупик, пропуская другие составы, которые торопились на фронт. Всю дорогу сопровождало чувство голода - приносили какую-то похлебку, но голод эта еда не утоляла. Все время до боли в животах хотелось есть. Постепенно на некоторых станциях из вагонов начали высаживать людей. Семью Тони привезли в Усть-Каменогорск и поселили в большом клубе Водников. В огромном зале клуба разместили высадившихся из двух вагонов людей. Каждая семья постаралась свой закуток отделить перегородкой, спали на полу, постелив верхнюю одежду. Питание добывали кто как мог, родители Тони начали менять вещи или продавать их и приобретать продукты.

Всех мужчин сразу вызвали в военкомат, им было дано задание в срочном порядке построить землянки для семей в специально отведенном месте - глухой голой степи в 3 км от города. Строили землянки быстро, каждая на две семьи, половина землянки уходила в землю, полы тоже из утопанной земли, и только верх землянки из дерева, свет поступал через маленькое окошечко. Вскоре уже выросло три улицы этих сооружений. В землянках люди приспособили печи, сделали широкие топчаны, на них бросили тулупы и втроем умещались на одном.

Лелес А.В. с супругом, 1960 год

В этом же году в марте после завершения строительных работ мужчин призвали на фронт, отца отправили под Сталинград. Все заботы о семье легли на мамины плечи, и самая главная задача была - чем кормить троих детей и бабушку. Тоня не может вспомнить, когда мама отдыхала. Рано утром, когда еще

все спали, мама с соседкой по землянке уходили в город, заходили в дома казахов и татар и, прося какую-нибудь работу, соглашались на любую: пилить и колоть дрова, стирать белье (тем, кто побогаче). Они брали работу по огороду и по уходу за скотом. Платили крохи продуктами, и этим мама спасала свою семью. Ее почти не видели: мама с работы возвращалась поздно ночью, ложилась, свернувшись калачиком в ногах у детей и бабушки, и, уставшая, тихо засыпала. А утром мамы уже не было, а на столе лежала еда – несколько картошин или лепешка. Вечно голодные младшие дети постоянно плакали и звали маму. С какой тоской Тоня вспоминала довоенное время, когда по всем уголкам дома прятала нелюбимые яичные желтки, чтобы мама не заставила их съесть - и с каким наслаждением она сейчас все их съела бы.

Печку топили углем, дров в степи не было, воздух в землянке был тяжелый и душливый. Тоня не могла помнить то, что однажды произошло в землянке - об этой трагедии много позже рассказала мама. В один из дней маму с утра одолевало чувство тревоги, работа не шла, все валялось из рук. Тревога возрастала. Наконец, терпеть уже не было сил, и мама попросила соседку предупредить хозяев, что ей надо сбегать домой, а потом она вернется и закончит работу. Идти мама уже не могла, всю дорогу до дома она бежала. Дверь и окна были закрыты, на стук никто не отзывался. Мгновенно выдавив стекло, мама влезла в маленькое окошко. Увиденное привело ее в ужас: на полу лежали бездыханные дети и бабушка. Но уже в следующую минуту мама вытаскивала одного за другим детей и

бабушку на воздух и приводила их в чувство. Бабушка, жалея маму, решила облегчить ее существование: затопила печь, закрыла окошко, дверь и заслонку печи, и все улеглись на топчан. Угарный газ сделал свое дело, все угорели. Приди мама позже, спасти уже никого не удалось бы. Потом, обнявшись и плача, бабушка говорила маме, что так было бы лучше - на что мама с укором ответила, что бабушка должна была подумать, смогла ли мама жить одна без них.

Землянки были вырыты недалеко от притока Иртыша Ульбинки, из этой реки брали воду для купания и приготовления еды. Не может Антонина Вячеславовна вспомнить, из чего бабушка умудрялась готовить похлебку - ведь кругом была голая степь и ни одной травки. Это в деревнях средней полосы людям помогали выживать крапива, лебеда, грибы, ягоды и другие травы.

Иногда с фронта приходили письма от отца, их читали и перечитывали много раз все вместе. Папа в каждом письме просил маму беречь себя, чтобы сохранить детей. А в октябре 1942 года пришло письмо, которое оказалось последним - отец писал, что готовятся к большому сражению. К этому времени отцу было присвоено звание сержанта, в его подчинении были заключенные, очень озлобленные и жестокие люди. В конце письма снова обращался к маме, чтобы она берегла детей. Больше писем с фронта не было. Похоронки на отца тоже не было. Мама долго с плачем добивалась от военкомата сообщения, что отец их пропал без вести в октябре 1942 года. Отец так и не узнал, что в его семье произошло две трагедии: от дифтерии умерла его дочь Надя, и бабушка умерла в

1943 году. Соседка дала крупы, чтобы организовать поминки на похоронах бабушки. Антонина Вячеславовна вспоминает, как она плакала, видя, что в кастрюле все меньше и меньше каши, она таяла катастрофически. Теребя маму, она со слезами на глазах спрашивала ее, что же они будут есть завтра? И мама сквозь слезы ответила: «Не плачь, скоро мы все умрем». Этого забыть нельзя.

Все вещи уже были проданы или обменены на продукты, и тогда мама вытащила последний отрез ткани и пошла к выходу, Тоня с испугом спросила у мамы, что же она будет носить, когда вырастет. На что мама с грустью ответила: «Не вырастешь». Это даже сейчас невозможно понять - как мама спасала детей...

В семье осталось трое: Тоня, брат Юра и мама. Тоня вспоминает, как зимой начали выдавать карточки на тесто по 100 грамм на человека, еще добавляли по два кусочка сахара. Девочка с мисочкой ходила отоваривать карточки, потом бережно несла домой драгоценную ношу. Тесто понемногу отщипывали с братом, и к приходу мамы мисочка пустела. Мама никогда не ругала детей. А сахар складывали в баночку для папы, не веря в его гибель, ждали возвращения отца.

Однажды маме повезло - попала на работу в богатый дом. Видя старание мамы, хозяйка взяла ее на постоянную работу. Жить стало немного легче. Хозяйство было большое, детей в доме не было, и в землянке дополнительно к тесту стала появляться кое-какая еда, которую мама приносила ночью: баночка молока, несколько картошин, иногда горсть крупы. Маму дети почти не видели. Поплачут-поплачут, но

голод брал свое, и они начинали есть мамины припасы. Хозяйка несколько раз заговаривала с мамой о том, чтобы мама отдала ей сына, что жить им трудно, но мама отвечала, что дети, как пальцы на одной руке: отрежь один или другой - одинаковая боль. А брат иногда шел с тетей за руку, понимая, что его там накормят, но всегда возвращался к маме и сестре. После долгих безрезультатных уговоров хозяева взяли девочку из приюта, воспитывали ее. Но однажды появилась родная мать девочки, которая ее забрала. У хозяйки остались вещи, которые достались Тоне. Вот это было счастье! Как-то летом мама разрабатывала маленький участок земли под огород, хозяйка разрешила остаться ей один день дома, и втроем они посадили картошку и радовались, глядя как она растет. Однажды дети одни отправились к богатому дому, хозяйка их пустила в дом. В доме было изобилие еды, какого они уже и не помнили. Хозяйка сытно накормила их, но с собой ничего не дала. Завела в курятник и подарила двух цыплят. Дети поделили их между собой и ухаживали за ними. Выросли петух и курочка, которые везде сопровождали Тоню. Петуха кто-то украл, курочка стала нести яйца: их собирали, складывали, а потом на них посадили курицу. Через некоторое время в доме запищали цыплята, когда они выросли - в доме появились яйца. Так потихоньку стала налаживаться жизнь. Хозяйка уважала маму за ее трудолюбие и старание, жалела ее детей и однажды подарила малюсенького поросенка и даже помогла с кормом для него. К этому времени подросла картошка. Ботва была такой высокой, что однажды Тоня потеряла брата. Она

испугалась, что брата украли, но услышала плач в высокой ботве. Оказалось, что брат там уснул - а когда проснулся, то от испуга заплакал. Поросенок и куры жили вместе с хозяевами в одной комнате, и все спали рядом вповалку. Как то ночью маленький поросенок присосался к уху девочки, она проснулась от боли, а из уха текла кровь. Хорошо, что проснулась мама и помогла оттащить животное, а ведь могло все закончиться печально.

Поросенок подрастал, кормить его становилось все трудней. Выручил муж хозяйки: он подсказал, что на винзаводе отходы производства (барда) сливают вон и что этой смесью можно кормить поросенка. С этого дня Тоня, прихватив ведро, каждый день ходила к винзаводу за этой «бардой», а поросенок рос на глазах. Когда пришло время его резать, мама пригласила для этого мужчину, но поросенка не смогли найти - украли. Горю мамину не было предела, она постоянно стонала и плакала: не исполнилась заветная мечта - накормить детей досыта мясом. Но надо было жить дальше. Вскоре выросла большая картошка, и в семье стало легче поддерживать жизнь. А вокруг погибали от голода очень много людей: детей, стариков и женщин.

По ночам в степи было очень холодно. К селению часто подходили волки, и их вой вызывал страх у людей. Однажды прошел слух, что они загрызли до смерти человека, который прошел всю войну. А детям приходилось ходить в школу за 3 километра от дома, через всю степь, высокую насыпь и железнодорожные пути - и защитить их никто не мог: все взрослые работали. В школу Тоня пошла в 1946 году, раньше не

могла - не было ни обуви, ни одежды, ни карандашей, ни бумаги. Школа была маленькой: всего одна комната, где стояли несколько столов и стульев. В ней занимались только эвакуированные. Занятия шли в три смены: первые классы с 8 утра в первую смену, кто постарше - во вторую и третью смены. Тоня хорошо помнит, что в школе было тепло, освещался класс керосиновой лампой, писали на клочках бумаг и газет, были ручки и чернила. Девочка смогла закончить только первый класс, второй недоучилась. В марте 1947 года семья смогла выехать на север. Отправлялись на поезде, до дому добрались только 24 апреля. Появились кое-какие деньги, и мама наконец-то смогла купить детям шапки, пальто и обувь. В этом ехали в поезде не раздеваясь - было очень холодно и спать приходилось одетыми.

Поселились у маминых родителей, потому что дедушка и бабушка никуда не выезжали. Тоня по возвращению домой пошла снова во второй класс. Мама устроилась на работу в магазин уборщицей. Жили бедно, но самое главное, что не было войны. Вскоре семье дали отдельную комнату в двухэтажном деревянном бараке. У дедушки и бабушки был огорожок и козы. Тоня с бабушкой заготавливали траву на зиму для коз. Семья оживала после голода. А чтобы одеться, девочка нанималась пасти коз, за что получала баночку молока и деньгами 15 рублей.

В 1953 году Тоня окончила школу и поступила в медицинский техникум. С этого времени вся ее жизнь связана с медициной. Летом ее принимали на работу в городскую больницу медсестрой. Тоня помнит, как первую свою зарплату потратила на покупку одежды

маме, брату и себе. После окончания техникума в 1957 году поступила на работу в медсанчасть Кировского рудника комбината «Апатит». Их репрессированных было трое, и ни с кем из них не заключили трудовой договор. И только когда в 1960 году Антонина Вячеславовна вышла замуж - то стала вольным человеком, клеймо «репрессированная» отпало.

В системе здравоохранения Антонина Вячеславовна проработала 50 лет. Родила и воспитала двух хороших сыновей, помогала воспитывать внуков и уже имеет правнуков.

Мама Антонины Вячеславовны Устинья Степановна до конца своих дней не верила в гибель своего мужа и все время ждала его возвращения.

Ржевский Борис Николаевич

Дети глинобитных мазанок

Мой дед, Максим Кузьмич Каданцев, в 1937 году «получил» 20 лет лагерей за, якобы, участие в подготовке восстания против советской власти. Нелепые обвинения были основаны на том, что в годы первой мировой войны он получил чин прапорщика, т.е. стал «золотопогонником», офицером. Война была длительной, почти весь кадровый состав младших командиров оказался «выбитым». Тогда стали отбирать из солдат, владевших грамотой, кандидатов на замещение их должностей и после краткосрочных курсов производить в первый офицерский чин. И хотя дед всю гражданскую войну провел в красных партизанах, воюя с деникинцами на Северном Кавказе, чекисты прицепились к его офицерским погонам двадцатилетней давности.

В 1946 году моя мать, взяв меня с собой, поехала в Карагандинский лагерь, где дед был уже на «вольном»

поселении, без права покидать место пребывания. Когда через пятьдесят лет я спросил, зачем она это сделала, ответ был простым и понятным: «Здесь я была дочерью врага народа, а там почти все такими были».

Первую зиму я прожил у деда в глинобитной мазанке на две семьи. Это был маленький шахтерский поселок, где дед работал бухгалтером, а я ходил в детский сад. Летом 1947 года мать устроила меня в детский дом на полное обеспечение. Это стало возможным только потому, что почти везде работали бывшие заключенные, отбывшие свой срок.

Наш детский дом, где я находился с 1947 по 1949 год, располагался неподалеку от Караганды в поселке Компанейске. Семьсот человек – от семи до семнадцати лет – размещались в 24 глинобитных мазанках, у которых даже крыша была глиняной, и мы каждое лето сами ее ремонтировали.

Казахстанская степь в этих местах выглядела тогда вполне сурово. Зимой донимали свирепые бураны, летом жаркий ветер сек по лицу крупным песком. К востоку от нас был Экибастуз, где старался выжить солженицынский Иван Денисович, к западу – знаменитый впоследствии своим восстанием горнорудный Кенгир. И всех нас спасал карагандинский уголек, горевший в печах непрерывно всю долгую зиму. В каждой мазанке огонь поддерживали дежурные и, не приведи Бог, кому-то из них заснуть и прозевать топку! Ведь никаких дров во всей округе не найти, чтобы вновь разжечь уголь.

Строго говоря, территория детдома уже не была лагерной зоной. Вместо колючей проволоки по ее

периметру стояли столбы, соединенные обычной гладкой проволокой, никаких вышек, никакой охраны. Население поселка составляли поселенцы, то есть люди, отсидевшие свой срок и обязанные теперь жить и работать здесь без права выезда. С охраной и строем на шахты водили только пленных японцев, с которыми мы, мальчишки, поддерживали нормальные деловые отношения. Хлеб и сахар шел в обмен на оригинальные японские поделки, ножички, а также на экзотические приемы борьбы. Очень долго весь детдом выбивал дробь костяшками пальцев и набивал мозоли на ребрах ладоней, чтобы лихо раскалывать одним махом кирпич, как это делали «самураи».

В послевоенное время к детям, которые лишились родителей в период Большого террора, прибавились те, кто потерял родных в войну. Другой категорией «самых счастливых на свете детей» стали маленькие чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, крымские татары... Интернационал был полный. В нашем третьем отряде, кроме русских, мне помнится казах Байменов, туркмен Турдыев, немец Газенкампф, молдаванин Чебан, ингуш Магомедов, чеченец Аббасов, еврей Минкин, кореец Ким...

Но происхождение и национальность не имели для нас никакого значения, потому что ценились, в первую очередь, вечные принципы людей, вынужденных жить и выживать в ненормальных условиях. Несмыслаемый позор и бойкот были уделом воришек, посягнувших на скудную собственность товарища. Неприязненное отношение всегда чувствовали жадюги и жмоты. Особенным презрением пользовались доносчики,

которых называли «сексотами», по аналогии с секретными сотрудниками ГУЛАГа. Конечно, в почете был крепкий кулак, но любителей размахивать кулаками направо и налево быстро приводили в порядок. Принцип справедливости – вот что, пожалуй, являлось главным во всех спорах и толковищах «сопливых острожников».

Многие детдомовцы за свою короткую жизнь успели повидать полстраны, скитаясь по вокзалам, рынкам, попадая в детприемники-распределители. Вечерами у горячей печки не было нехватки затейливых рассказчиков, так что дневные школьные программы существенно подправлялись малолетними знатоками истинной жизни.

По сути дела, наша детдомовская общность являлась своеобразным отражением той большой зоны, которая была вокруг. Весь наш жаргон, кодекс поведения, действия, привычки до предела насыщались словами и поступками, имитирующими взрослых. Долгое время я не мог нигде найти термина, которым у нас обозначалась пайка хлеба. Но вот в повести Ф.Сучкова «История Алпатьева» (Звезда, 1991, № 3) наконец-то нашел: «Горбушка – заветная для зэка часть буханки. В отличие от птюхи, средней части буханки, горбушка отличалась большей калорийностью, так как в ней меньше воды!» В повести В.Высоцкого и Л.Мончинского «Черная свеча» главного героя вызывают среди ночи в комендатуру. Ему, конечно, идти не хочется, потому что: «Утром будет хлеб, может горбушка попадет – о горбушке мечтают все. Сегодня неизменно будет горбушка, а старшина к доброму не уведет. Вон рожа какая!». Вот и мы всегда предпочитали горбушку птюхе.

Жаркое казахстанское лето было непростым испытанием для мальчишек и девчонок из детдома. Деревьев практически не было, не было также ни речки, ни озера, где бы изнывающие от зноя дети могли бы окунуться в водную прохладу. Единственным «курортным» объектом был пруд, образованный водой, сливавшейся из паровозных тендеров. Вода в нем была грязная и маслянистая, а дно пруда было покрыто ржавыми колесными парами, колосниками из паровозных топок и прочими отслужившими деталями. Глубина этой лужи не превышала одного метра.

Последствия от такого купания оказались нешуточными. Похоже, что кроме ржавого железа, там в изобилии кишели болезнетворные микробы, вызывающие опасные болезни, характерные для казахов: стригущий лишай и конъюнктивит. Чтобы успешно лечить лишай, под Карагандой открыли специальную больницу, оснащенную трофейной немецкой радиохимической техникой, которую называли кобальтовой пушкой. После сеанса облучения мы ходили с головами гладкими, как бильярдные шары. Волосы потом отрастали, но на месте, где был лишай, так и оставался безволосый шрам. Через двадцать лет этот метод лечения описал в своем романе «Раковый корпус» Александр Солженицын.

Мы были наслышаны о скверных порядках в других детдомах, где обслуживающий персонал крал все подряд. Но у нас порядки были иные. От директора до повара – все вышли из политических лагерей, отличились честностью, свято верили в торжество справедливости. Для нас это оборачивалось истинной

заботой о питании, одежде, учебе, спорте, как бы ни были скудны тогдашние нормы снабжения. Мы смутно ощущали, что жена знаменитого летчика, ходившая зимой в летнем кожаном шлеме, никак не могла быть врагом народа. А завуч детдома, которую нарекли «каргой», на самом деле женщина честная и ворчит только по делу. Чего никто толком не мог объяснить, так это появления учительницы пения родом аж из Австрии. Скорей всего она была коммунисткой, которых приютил СССР, направив их всех в наши лагеря. Но мы были довольны, получив знания по нотной грамоте и научившись азам игры на фортепиано. На многое глаза открылись гораздо позже, многое до сих пор еще не совсем понятно.

Стоявший в классной комнате гипсовый бюст Сталина, покрытый черной краской, нередко становился жертвой потасовок между повздорившими драчунами. А когда после репетиции «Руслана и Людмилы» Руслан сразился с его головой, побитый и поцарапанный бюст, лишенный половины носа и обеих ушей, тихо без шума списали при очередной инвентаризации.

Как бы ни называли прошедшую эпоху, как бы ни жалели нас за нашу ущербность, но это была наша эпоха, это была наша жизнь. О ней нужно знать и помнить, хотя бы для того, чтобы никогда больше не производилось столь жестоких опытов на живом теле нашего народа.

Малыгина Зинаида Яковлевна

Родители мои, вы – святые!

Дорогие мои, добрые, трудолюбивые родители! Вас привезли на Север в июле 1931 года из Вологодской области с шестью детьми. Старшей дочери – 16 лет, младшему сыну – 3 года. В деревне Захарово Вашкинского района Вологодской области было у вас два дома: летний и зимний, у домов – приусадебный участок, надворные постройки для скота, крестьянская утварь.

Работали вы с раннего утра до позднего вечера, старшие дети помогали по хозяйству и ухаживали за младшими. В хозяйстве было две коровы, две лошади, мелкий домашний скот. Живность требовала присмотра, нужно было запастись кормом для скота, посадить и вырастить урожай овощей, зерна, испечь хлеб. Да мало ли работы в собственном хозяйстве. Были вы

жизнерадостными, счастливыми, когда смотрели на своих красивых, здоровых детей, мечтали о будущем. К старшей дочери Ане приходили сваты, все заглядывались на красавицу. Ей шел 17-й год.

Мои родители, 1950 год

Но все изменилось. Пришли незваные люди, объявили, что семья высылается на Север. Можно взять с собой только смену белья на каждого, посуду и теплые вещи. Старший сын Петр, 11-ти лет, не понимал, почему нельзя взять его любимую собачку, почему они должны покинуть свой дом. Он стал стрелять из рогатки в незнакомцев, спрятавшись за печку, но его быстро утихомирили. Семье не разрешали выходить на улицу: утром предстояла дальняя дорога. Мама пекла хлеб на всю семью. Повозка для отъезжающих стояла наготове. Рано утром сели в последний раз у порога своего дома. Что творилось в душе родителей – знали только они. На

телеге мама расстелила перину, чтобы детям было удобнее сидеть, на перину положила узлы с одеждой и посудой. Пришел главный уполномоченный, стал шарить по углам повозки, не взяли ли лишние вещи. Увидев перину, схватил ее за углы, выдернул. Малые дети посыпались в разные стороны. Соседи наблюдали и плакали, подходить к повозке никому не разрешали. Милосердия от власти ожидать не приходилось.

Несколько телег собрали в один обоз, который медленно поехал в неизвестность. На вокзале всех посадили в общий вагон-товарняк для перевозки скота. На полу расстелили солому, посадили детей. Пищу приносили на остановках в ведрах, невкусное варево. Помои выливали в маленькое окошечко. Выходить не разрешали, даже по нужде. Несколько человек умерли в дальней дороге: престарелые люди и больные дети. Как жаль, что я не расспросила родителей о первых днях пребывания на Севере. Знаю только, что привезли их на пустое место, где не было никаких строений. Несколько ночей провели под открытым небом. Потом повезли всех на повозках к баракам-шалманам, покрытым толем. Это селение называлось: 13-й километр.

Помню, мама рассказывала, что в этих шалманах спали люди вповалку: мужчины, женщины, дети... Одну семью от другой в этой «спальне» отделяла узкая дощечка. Круглосуточно топили печку-буржуйку, но зимой все равно мерзли. Нашей семье досталось неудобное место у двери. Люди входят-выходят, снег через дверь с порывами ветра проникает на нары, студит прижавшихся друг к другу детей. Утром на ногах надувало горки снега. Родители стряхивали снег и

уходили на целый день на лесозаготовки. Дети ухаживали друг за другом. Мама была беременна на день раскулачивания, но об этом никто не узнал. От тяжелой работы ее не освободили по этой причине. Родила она по дороге в родильный барак, ребенок упал в снег...

Много людей умирало без нормального питания, лекарств, тепла. Все эти несчастные похоронены на 16 километре, где сейчас находится «старое» кладбище. От воспаления легких умерла моя 18-летняя сестра-красавица Анна. Она не захотела остаться в деревне, выйдя замуж, а решила разделить участь родителей, не бросила их, хотя могла остаться «вольной», как говорили раньше. Наконец, семье дали комнату 12 квадратных метров в двухэтажном деревянном доме-бараке на 18-ом километре. Своя комната, да еще с самодельной плитой-печкой, отапливаемой дровами. Появились две железные кровати с досками и матрасом из сена. Спали по двое на кроватях, остальные – на полу. Двое старших уже заканчивали школу-семилетку и решили поступить в медицинский техникум (впоследствии успешно закончили данный техникум). Сестре Оле плохо давались науки, но она мечтала поступить в Педагогический и стать воспитателем детского сада. Впоследствии она все же закончила техникум в Петрозаводске, стала воспитателем, но умерла в 23 года от простуды (не было лекарств, питания).

Родители строили город. Появились первые каменные здания: кинотеатр «Большевик», жилые дома на улице Хибиногорской, банно-прачечный комбинат. В

каменном доме с водопроводом пожить родителям не удалось. До конца своих дней прожили они в бараке.

В бараке жили дружно, в общем коридоре обсуждали свои проблемы, да иногда покрикивали на расшумевшихся детей. Пьяных не было. Воду брали из колонки на улице, а готовили на общей кухне в конце коридора. Все знали про всех все, но завидовать было некому. Все жили бедно, впроголодь. Жил в доме сапожник – золотые руки, чинил обувь всем почти бесплатно. Ночью все замирали от стука в дверь: забирали по ночам кормильцев-мужей, уводили, и больше о них ничего не известно. Воровства не было, двери не запирались. Летом все ходили за щавелем, грибами, ягодами, это была прибавка к столу.

В 1938 году мама перешла работать в детский сад-ясли на 20-м километре. Каждый день на руках относила она меня в ясли (колясок не было), а было ей тогда 48 лет. Иногда ей говорили: «Бабка, смотри, у ребенка ноги голые». Это случалось тогда, когда одеяло было мало для подросшего ребенка, а завернуть было не во что. Вечером мама бежала убирать дом «вольным», как говорили раньше. Ей давали за труд домработницы одежду выросших вольных детей, и меня можно было видеть на общем коридоре барака в красивых платьях.

Маленьких детей все любили, играли с ними и присматривали сообща. Добавлю, что мое появление в семье старшие братья и сестры не приветствовали сначала, но потом забыли об этом и самозабвенно ухаживали. Старшему брату было уже 18 лет.

Но вот грянула война. До войны мои родители не могли никуда выехать, их называли «лишенцами»

(лишены прав), из их зарплаты высчитывали деньги, за что – непонятно! Каждый месяц они должны были отмечаться в комендатуре, что никуда не уехали. Теперь их выросшие с трудом дети понадобились стране. На фронт были посланы Петр, Нина, позднее – Василий. Все трое многое пережили, были ранены, контужены. Василия откопали после бомбежки на вторые сутки, пришел домой со страшными головными болями, стал пить, чтобы прошла эта боль. Так и сгинул в бараке.

Петр остался после войны в Вооруженных Силах, дослужился до майора медицинской службы (окончил Кировский медицинский техникум), но умер после событий в Венгрии в 1956-м году. Приехал домой с черными ногами (тромбофлебит), все события были покрыты тайной, говорить о них не разрешалось. Мама плакала у ног взрослого сына, трудно хоронить выросших детей.

Нина защищала небо Москвы, оно было опутано дирижаблями, чтобы не допустить вражеские самолеты. Один раз, когда она не смогла удержать стропы дирижабля при резком порыве ветра, чуть не погибла, но, к счастью, вовремя подоспела помощь, и дирижабль не взлетел в небо самопроизвольно вместе с девушкой. На фронте встретила своего будущего мужа, счастливо прожив с ним до золотой свадьбы.

В годы войны семья была эвакуирована в Марийскую АССР. Меня потеряли, так как детские сады были вывезены в неизвестном направлении при первых бомбежках Кировска в 1941-м году. Нашли меня только в конце войны в одном из детских домов. Отец привез

меня больную, с нервными припадками, фурункулами и вшами. Лечили травами, добротой и лаской.

В 1945-м семья вернулась в Кировск. В нашей комнате проживала другая семья, но родители не стали скандалить. Они поселились у родственников в 12-метровой комнате и терпеливо ждали очереди на получение жилья.

Отец, Тимошин Яков Яковлевич, 1888 года рождения, отличался тихим нравом, мягким характером, не пил, не курил. Работал дворником, вел домашнее хозяйство, ходил по магазинам и долго выкраивал деньги на одежду. Покупал по своему вкусу, примерок не было. Мне запомнилось, что в 10-м классе школы №1 города Кировска я ходила в кирзовых сапогах, которые понравились отцу. Он сказал: «Маленькие и аккуратные». Училась я хорошо, и родители любили говорить об этом знакомым и часто обсуждали, где я буду учиться дальше. Никто в нашей семье не учился в институте, и я должна была «прославить» родителей. Но отец так и не узнал, поступила ли я в институт. Он умер накануне моего поступления.

Мама, Тимошина Татьяна Петровна, 1890-го года рождения, не отдыхала ни одного дня, ни одного часа. За отпуск всегда брала компенсацию, раньше разрешали. После работы бежала помогать «вольным», приносила хлеб, остатки пищи. Мы ждали ее прихода с нетерпением, каждому она совала вкусный кусочек. О себе не думала. Из своей пенсии в 21 рубль она посылала мне 10 рублей для учебы в институте, а сама нянчила малых детей и этим кормилась.

Мама моя, когда я вижу лики святых, то я приравниваю и тебя к ним! Ты никогда не жила в комнате с водопроводом, хотя строила каменные дома для других. Была всегда приветливой и доброжелательной, даже тогда, когда была неизлечимо больна. Никогда ни о ком не говорила плохо, не злословила.

Сейчас у меня свои взрослые дети, но я и сейчас удивляюсь, почему ты никогда-никогда не говорила мне, пионерке, комсомолке, что советская власть несправедливо поступила с нами. Берегла меня или боялась, как все боялись в те годы.

Вот поэтому я мало задумывалась, почему отобрали имущество у крестьян-тружеников, хотя собственность считается неприкосновенной. Бездумно учила я постулаты марксизма-ленинизма, не вдумываясь в жизнь. За нас думали великие съезды, похожие один на другой, за нас думали «великие» люди на Пленумах с речами, одинаково трескучими. Иногда мама включала радио и говорила: «Опять выполнили-перевыполнили план, так почему же так плохо живут люди в моей деревне?». Всю жизнь моим родителям хотелось побывать на своей родине, где они родились, где прошло их детство и похоронены их родители. А когда разрешили (после войны), то денег на дорогу не было. Но отцу все же удалось съездить на свою родину, посидеть на крыльце дома, построенного своими руками, а потом отобранного.

И вот свершилось! Отца приодели всей семьей, купили новый шевиотовый костюм, новую обувь. Ведь нужно показать землякам, что не пропали высланные на

Севере и живет не хуже других. Милая крестьянская хитрость!

Прошел отец по деревне не спеша, может быть, гордо, да вот не выдержал, когда подошел к своему дому, заплакал. К счастью, поселились в доме хорошие люди, разрешили пожить, обогрели. «В деревне хозяйство разрушено, живут бедно», - сказал отец по приезду. Никого из родственников не осталось. Товарищи, с которыми отец бегал босиком, постарели, больны. Поплакали вместе. Но приехал отец просветленным: он побывал на родине! Теперь Север – моя родина. Я полюбила эту неброскую природу, людей, которые выручали меня не один раз. Я не собираюсь никуда уезжать. Ведь на моей исторической родине не осталось дома моих родителей, он разрушен, разрушено также крестьянское хозяйство. У меня нет собственности, кроме своей квартиры. Моим детям я желаю жить лучше, быть уверенными в завтрашнем дне. Я верю, что наша страна возродится, верю в разум молодых.